

КРЕСТЬЯНКА

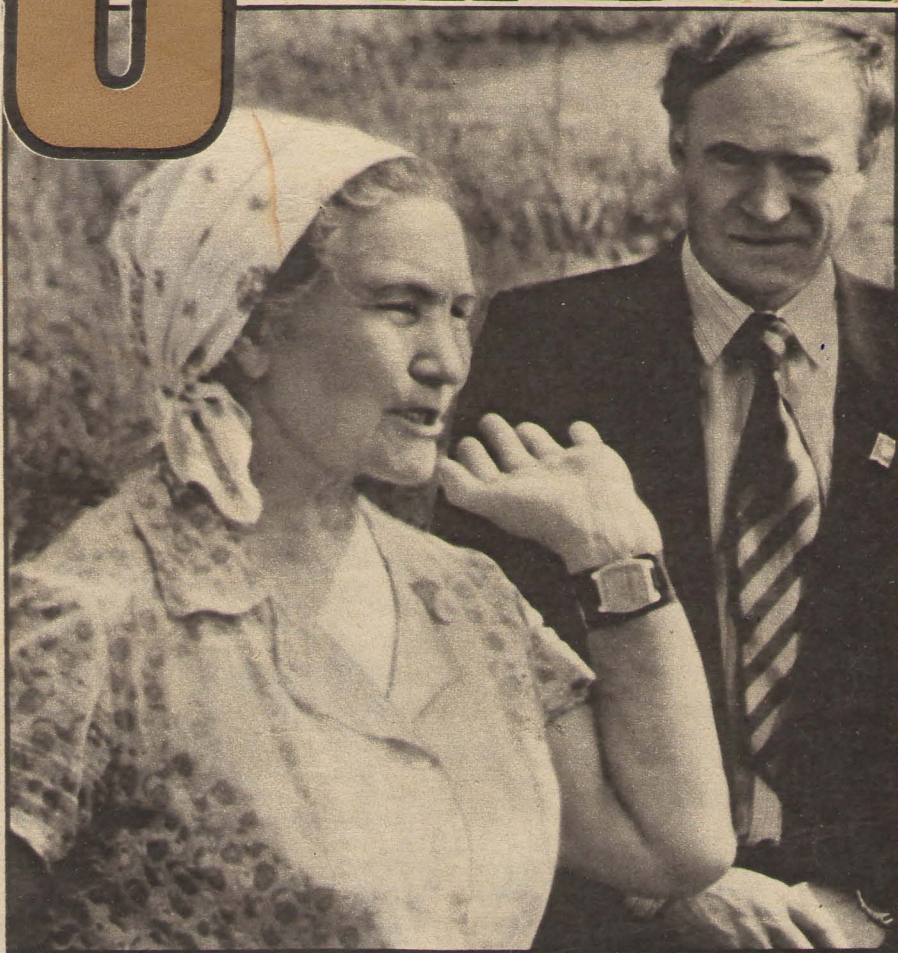
7-87

*Хорошо быть
невестой.
А невесткой?
(Стр. 24—25)*

**ПРАВО
РЕШАТЬ —
ОБЯЗАННОСТЬ
ДЕЙСТВОВАТЬ**

ОТКРЫТАЯ

**«Обстановка в одном из районов Калининской области — Старицком — показалась весьма характерной для нынешнего времени, а происходящее там — очень интересным» — этими строками предварялся очерк В. Сергеева «Глаза боятся, а руки делают» («Крестьянка», 1987, № 5).
Происходящие в старицких селах перемены требуют продолжения разговора.**

А

какая еще нужна гласность? В деревне и так всё известно, чего ни случись — через пять минут все знают. Вечером правление колхозное соберется, двери закроют, сидят, решают. Утром у конторы всегда народу полно, председатель выйдет на крыльцо и только рот раскроет: «Правление вот что решило...» — а мы ему: «Да мы еще вчера знали, эка новость! Телятник задумали строить, так давно пора!» Работать надо дружнее, вот что главное, а разговоров разных — кто, где да с кем — и так хватает. В деревне калитки громко скрипят...

Вот так повернулся разговор о гласности с Анной Михайловной Лыниной из колхоза имени Жданова. Она да и многие другие мои собеседники, когда заходила речь о перестройке, о расширении гласности и демократии, высказывались в том смысле, что в колхозах района — цитирую — «гласности хватает, а демократию такую развели, что и работать никого не заставишь».

— А зачем заставлять-то?

И этот простой, казалось бы, вопрос словно повисал в воздухе. Собеседники недоумевали: а как же иначе? Надо заставлять! И слово привычное, и практика «за-

ставления» годами насаждалась — как же вдруг отказаться? И я слышал: «Развалится все с демократией-то с этой, народ-то и без того вольный. Да и гласность хлеба не прибавит, как ее ни расширай. Работать надо лучше — вот и вся перестройка. Правильно Михаил Сергеевич Горбачев сказал: прибавить надо в работе!»

Но что стоит за этим «прибавить»?

— Порядок. — ответил на вопрос председатель колхоза «Новая заря» Виктор Иванович Бодров. И пояснил:

— Самое ценное и главное, чего удалось добиться за время перестройки. —

КАЛИТКА

▲ Секретарь Старицкого райкома партии Вячеслав Михайлович Кулагин часто бывает в деревне Шалимово. И не без пользы: ценных предложений у Тамары Александровны Ведерниковой на весь район хватит...

▲ Валентина Николаевна Котунова заведует и колхозной фермой, и домашней. Семья дружная, вести хозяйство помогают муж, Александр Иванович, и дети. — а их у Котуновых пятеро.

Если есть надежная радиосвязь — самая далекая деревня ближе становится. Дверь в доме у Николая Николаевича Виноградова для односельчан круглые сутки открыта. ▶

это порядок. Четкость, обязательность, личная ответственность за конкретное дело. И если мы хотим, чтобы работа каждого была на виду, — без гласности не обойтись. Я понимаю гласность, может быть, упрощенно, в масштабе колхоза, но у нас она выглядит так: каждый знает о возможностях хозяйства и об их использовании, чего бы это ни касалось, производства или быта. Гласность избавляет от пустых обещаний, но уж что обещано — отдай. А если отданного мало — прибавь в работе. Вот, скажем, так. В колхозе около ста пенсионеров. Большинство трудоспособных. Мы их не заставляем помогать

колхозу, по мере сил, конечно, а создаем интерес. Стимулируем. Пойдет пожилая колхозница в сенокос сено ворошить — ей в первую очередь дрова завезут, дом отремонтируют, фураж для личного подсобного хозяйства выделят. Другая, хотя и вполне в состоянии помочь колхозу в горячую пору, ленится. Ей тоже, конечно, все, что положено, будет выделено, но уже во вторую очередь. Такое решение приняли на общем собрании самым что ни на есть демократическим путем.

Но вот в чем я убедился: мало навести порядок, надо еще его пропагандировать, придать опять же гласности. Иначе недо-

вольства не оберешься — и именно от незнания, какой существует порядок...

Мысль председателя показалась мне несколько сомнительной, трудно было представить, как это выглядит в натуре, но «господин случай» был тут как тут. Разговор шел в машине, ехали мы в одну из отдаленных от центральной усадьбы деревень. Остановились у одного дома, у второго, поговорили с хозяевами и уже собрались было уезжать, как вдруг к машине подбежал крепкий сухопарый старик.

— Виктор Иванович, дорогой! Старуха у меня приболела! К врачу бы надо везти! Как же быть-то?

— Эх, отец! Позоришь ты меня и весь колхоз перед приезжим человеком! Ведь порядок есть, год уже как завели... Она собралась, готова ехать?

— Да кто ж тебя знал, что приедешь! Завтра бы отправить...

— Ну, вот видишь, завтра. Где живет бригадир, знаешь?

— Как не знать, через три дома от меня.

— Так вот, скажи ему. У него телефон, он сообщит диспетчеру. Завтра не меньше четырех машин к вам пойдет: молоковоз, автолавка, ветеринар собирался на ферму. Диспетчер распорядится, и первая же машина к дому подойдет. А будет необходимость, «скорая» приедет.

— Так никто ж не объявлял, откуда знать, что так ловко все выходит. А тут, смотрю, ты подкатил. Я — бегом... В общем, извини.

— Это ты меня извини, отец, что волноваться заставил. Я виноват, если ты наших новых порядков не знаешь.

Стало быть, не так уж громко калитки в деревне скрипят...

О развитии демократии и ее роли в перестройке у Виктора Ивановича Бодрова тоже свое понятие.

...Есть в колхозе овцеферма, 400 голов. Из года в год одни убытки. Держали овец так, для галочки, работать на ферме никто не хотел, приходилось именно заставлять. Каждый год поднимался вопрос о ликвидации убыточного подразделения, но район настаивал: держать!

В январе этого года снова на собрании вопрос об овцеферме возник. И кое-кто высказался в том смысле, что крест на овцеферме поставить можно... В общем, до голосования дошло.

Но тут слово попросила Ольга Николаевна Озерова, зоотехник. И предложила: если найдется человек, который взял бы ферму на личный подряд с соответствующей оплатой, то она готова работать вместе с ним. Она знает, как реконструировать помещение, это не потребует больших затрат. Знает, как увеличить настриг шерсти, поднять окот. И готова эти знания вложить в дело. Лишь бы нашелся добросовестный и смелый человек. И чтобы труда не боялся.

Собрание попросило экономиста разъяснить условия оплаты.

— Принцип такой, — был ответ, — оплата по конечному результату. И зоотехнику, и тому, кто возьмет ферму на подряд. А в деталях разясним завтра в бухгалтерии если смелый найдется.

— Так что же, опять откладывать решение? — зашумели в зале. — При чем тут личный подряд, если овца нерентабельна в наших условиях? Ликвидировать, и все! Ставь на голосование!

Большинством голосов вопрос отложили, а назавтра нашелся смелый — Николай Петрович Ильичев.

Прежде чем идти в бухгалтерию, он по-

чти целый день провел на ферме, придирчиво расспрашивал Ольгу Николаевну о реконструкции, изменениях в условиях содержания. Получалось, что уже к маю можно увеличить настриг шерсти граммов на семьсот — восемьсот только за счет иного размещения овец. В тесноте, объяснила зоотехник, овцы вытирают шерсть друг о друга, полы на ферме буквально устланы клочьями. Нужны и иной рацион кормления, и многое другое. Но ничего необычного — все по силам...

В конце апреля Ольга Николаевна Озерова и Николай Петрович Ильичев докладывали собранию о первых итогах работы обновленной овцефермы. Затраты на реконструкцию помещения составили 600 рублей. Возрос среднесуточный привес. Выборочная стрижка показала, что прибавка шерсти будет солидная — до килограмма с овцы.

— Расходы на реконструкцию мы возместили полностью. Ферма стала рентабельной, — сказала Ольга Николаевна. — Есть предложение: за счет увеличения выхода ягнят создать осенью еще одну ферму. Думаю, что заставлять кого-то работать там не придется, желающих будет полно: мы по 360 рублей зарабатываем. И это не предел...

Комментируя сей факт из жизни колхоза, Бодров сказал:

— Демократию я понимаю и так: это коллективная поддержка полезной инициативы. Это возможность проявить себя лично в интересах общего дела. И еще демократия — это смелость, это дисциплина и порядок. Сами установили — сами и соблюдаем.

Мне часто вспоминались слова Виктора Ивановича Бодрова в других колхозах, при других обстоятельствах. И в чем я с ним бесспорно соглашался, так это в том, что проявление и утверждение в жизнь инициативы и вообще чего-либо нового без расширения демократии, без смелости зачастую просто невозможно.

...В селе Красное, центральной усадьбе колхоза «Октябрь», недавно состоялось рядовое, обычное мероприятие: отчитывался перед пайщиками председатель райпо Виктор Андреевич Линов. Избран на этот пост он всего год назад, но его уже называют «прорабом перестройки». И это, пожалуй, не комплимент, а констатация факта: именно «прорабская» деятельность, направленная на перестройку торговли и бытового обслуживания, занимает до семидесяти процентов его времени. И именно за «прорабскую» работу, то есть активное строительство новых торговых точек, реконструкцию пришедших в негодность деревенских магазинов и магазинчиков, он уже снискал уважение сельских жителей и «схлопотал» 8 (восемь!) выговоров от собственного начальства.

Так вот, обычное мероприятие прошло не совсем так, как это раньше бывало.

Продавцов автолавки Наталью Рукавишникову и Ларису Семенову лучше всего знают в деревнях, где нет магазинов. Магазины нет, а товары — вот, пожалуйста, на выбор. Очень удобно!

Линов отчитывался не в клубе, как всегда, а прямо в магазинах — сначала в продовольственном, потом в промтоварном. Товары, выставленные и разложенные на прилавках, служили наглядным пособием и для пайщиков, и для Линова.

Мало того, что отчет стал предметнее в буквальном смысле, а вопросы конкретнее, — разговор стал обоюдно конструктивным, превратился в обмен предложениями. И наиболее ценные здесь же утверждались. Поясню.

В продмаге на прилавке — зеленый лук (а дело было в марте, снег кругом). Лук доставлен из теплиц областного центра. Путь не близкий, перья завяли, и дорога обошлась недешево. Да и не смешно ли: лук из города — в деревню?

А нельзя ли кому-то из местных жителей выращивать зеленый лук в теплице у себя на усадьбе и сдавать в свой же магазин?

Раньше было нельзя. Не берусь объяснить, почему, но нельзя.

А теперь можно? Можно!

Если в личном хозяйстве в излишке запасы соленые огурцы, помидоры, грибы — можно сдать в магазин, чтобы те, кто не успел или не смог заготовить, могли купить? Можно!

Собственной, домашней вязки носки, варежки, шарф, платок разве обязательно на

«толкучку» нести, да и где та «толкучка»? В промтоварный, свой или в соседней деревне, можно сдать с выгодой для себя, для магазина, для односельчан, которые ни овец, ни кроликов не держат или держат, да вязать не умеют? Можно! И такое решение принимается здесь же, во время отчета. Какие еще предложения?

Предложение вот какое: наладить на молокозаводе производство сливочного масла для продажи по комиссионной цене.

— Хорошо! — говорит Линов. — Обсудим на правлении. Но одно «но»: выпускать масло будет только из молока, сданного владельцами коров сверх плана. Так что появление масла на прилавке от вас зависит: не жалейте молока!

— Тут у нас умельцы есть, пенсионеры, кухонную мебель делают, полочки разные, кадушки. Можно ли сдавать в хозяйственный магазин такую продукцию? О цене сладимся: если дорого запросят, так и обратно пусть забирают или сбавляют цену...

— Отличное предложение! Обсудим, найдем подходящее решение. А то ведь не только табуретки, даже топорича из соседней области возим... Еще, пожалуйста!

«Много на себя берет Линов, — слышу голос скептика. — Ишь, демократию какую развел: что ни предложи ему, все хорошо да отлично. Народ баламутит! А отвечать придется, тогда как запоет? Огурец надо проверить, гриб тем более, варежки и мебель на художественном совете утвердить: соответствуют ли эти изделия эстетическим критериям. А цены кто установит? А торговую наценку? И вообще, кто все это разрешит?»

Линов, слыша это, удивляется: как кто? Разве не ясно? Мы сами! Если при каждом сельском магазине создадим закупочную комиссию из пайщиков, если туда войдут экономист, медик, учитель, представители женсовета, опытные хозяйки, ужели не справятся? И закупят, что нужно, и качество соблюдают, и контроль за продажей вести будут.

И, словно переключаясь с Бодровым, убежденно говорит: надо верить людям, их разуму, опыту, порядочности!

...Прошло больше двух месяцев со дня отчета председателя райпо в селе Красном. И почти все, о чем там говорилось, внедрено, люди довольны. И злоупотреблений нет: милиция уже не раз наведывалась в магазины, но, как сказал сотрудник ОБХСС, «там все в ажуре».

Но в какой другой колхоз ни приедешь, там и в помине подобного нет. Кто-то что-то где-то слышал, что вот в Красном... И начинают рассказывать небылицы или в лучшем случае сообщают, что там-де «идет эксперимент».

Так ведь любое хорошее дело заглохнет, если к нему, как принято говорить, не «приделать ноги», не придать гласности, не научить ему тех, кто должен заниматься им. Застарелая наша болезнь — неумение пропагандировать, внедрять, приживлять добрый почин — проявляется и сейчас во всей полноте. На карте перестройки, будь такая в районе, обнаружилась бы масса белых пятен. Особенно досадно, что во многих селах и деревнях не знают об усилиях районных организаций по улучшению

обслуживания населения и результатах этих усилий. А они есть, такие результаты. Люди порою видят их, но считают, что они возникли как бы сами собой. И это никак не способствует росту авторитета районных организаций. Сегодня особенно нетерпимо укоренившееся за последние годы мнение «низов» о «верхах»: «Они там сидят по кабинетам, а мы здесь пашем». Может быть, где-то и так дело обстоит, но в Старице по-иному: здесь и в кабинетах «пашут». И в райкоме, и в исполкоме, и в РАПО, и в том же райпо. Борозда у районного звена управления тяжелая, камней много, а то и валунов, да таких, что не свернешь сразу. Но кто, особенно в отдаленных селах, знает о валунах? Разве что председатели колхозов, директора совхозов да партийные секретари. Словом, гласности в этом вопросе недостает. И калиточного скрипа мало.

Вот, скажем, появился в сельских магазинах бело-розовый зефир. Накупили, распробовали, вроде вкусно, дети довольны. Заговорили: из Москвы присылали стали, к посевной подбрасывают.

Колбасу стали привозить, весьма вкусную и по цене вполне подходящей. Опять разговор пошел: ну, Москва наелась, и нам достается.

Раз-другой окорока копченые продавали, тоже разобрали вмиг: хороша ветчинка! И тоже, видно, из Москвы.

А все это из Старицы. Зефир освоили в кондитерском цехе молочного завода (а его надо было построить, оборудование достать, едва ли не все районные организации принимали в этом участие). Производство колбасы наладили у себя же, послали специалиста на учебу в Одессу. Ветчина же, оказывается, может быть в любом доме, где держат поросят: отправь сырой окорок с автолавкой в колбасный цех райпо, и тебе его пошлют и закопят за 1 рубль 70 копеек.

Но обо всем этом никто не знает. Пишусь не ради критики — просто для того, чтобы в Старицком районе люди знали о заботе, проявленной о них районными организациями, и ценили эту заботу. Для гласности. И для демократии — ведь уважение к власти, если она того заслуживает, и есть нравственная основа этой самой демократии.

...Надо осваивать новые методы хозяйственной работы: самокупаемость, самофинансирование. Еще не повсеместно раскрыл свои возможности хозрасчет, далеко не везде привился бригадный подряд, а уже требуют к себе внимания кооперативные мастерские, чайные, пчелиные пасеки... И какой притягательной силой, оказывается, обладают привычные слова — самостоятельность, демократия, гласность, — когда реализуются на деле, обнажают свою истинную сущность. Какую житейскую мудрость, политическую зрелость проявляют люди, когда им доверяют! А ведь доверие — главное условие перестройки.

Валентин СЕРГЕЕВ
Фото И. ЯКОВЛЕВА.

Старицкий район.
Калининская область.

ЭХО НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ПОКЛОН ОТ МОЕЙ СЕМЬИ

После публикации в третьем номере журнала статьи Валентины Ханадеевой «Проще было бы помочь» о неустроенности моей большой семьи в мой адрес пришло много душевных писем. Письма еще идут, и ответить всем я просто не в состоянии. Поэтому сообщаю через журнал о том, как изменилась моя жизнь после выступления «Крестьянки».

У меня теперь все хорошо. Дали приличный дом, теплый и отремонтированный. Построили баню, поставили новый забор. Завезли угля так, что хватило с лихвой. Колхоз выделил 200 килограммов картошки, 10 комплектов постельного белья и 6 новых стульев. От исполкома наша семья получила 50 рублей единовременного пособия. А еще перевели меня работать на восьмую ферму — поближе к дому, да и детям до школы рядом. Осталось только построить летнюю кухню — материал уже есть, а колхозные плотники помогут. Так что теперь заживу я, как все люди, и дети мои рады этому необыкновенно.

Правда, произошли все эти перемены уже при новом председателе колхоза. Прежний, К. К. Пиронко, снят с должности и исключен из партии. Районная и республиканская газеты писали о делах нашего бывшего председателя: не только о халатном отношении к своим обязанностям, но и о злоупотреблениях.

Теперь председателем колхоза стал А. Н. Седин, бывший наш главный агроном. Нелегко ему будет на первых порах, но мы стараемся ему помогать. Прежде две улицы пустовали, а сейчас люди стали возвращаться. Значит, воспрянули духом.

Приходится порой слышать, что люди наши стали равнодушными, вроде очерствели. Это неправда. Если бы вы видели, сколько нам писем идет! А я читаю, и плачу от волнения, и думаю о том, что доброта человеческая не переводится.

Благодарность и поклон всем от моей семьи.

Раиса ДАЙНЕКО

с. Акимовка,
Нижегородский район,
Крымская область.

ПО ЛИНИИ ЖИЗНИ

О сегодняшних заботах Комитета советских женщин рассказывает его председатель, Герой Социалистического Труда Зоя Павловна ПУХОВА.

— Зоя Павловна, как повлияло на работу Комитета обновление, которое происходит сейчас во всех сферах нашего общества?

— Сегодня мы стараемся уделять равное внимание как международным, так и своим, внутренним, проблемам.

На Всесоюзной женской конференции женсоветы, можно сказать, получили второе рождение. После конференции мы пережили довольно бурный организационный период — в республиках, областях, городах и поселках, в микрорайонах и на предприятиях восстанавливали и укрепляли старые женсоветы, создавали новые. Эту работу возглавляли партийные комитеты. Собственно, женсоветы и в дальнейшем будут действовать под их руководством и в тесном содружестве с профсоюзами.

— Многих наших читателей волнует вопрос: не будут ли дублировать друг друга комиссии профсоюзов по вопросам труда и быта женщин, которые существуют на предприятиях уже более пятнадцати лет, и женсоветы?

— Дел, полагаю, хватит всем. Не так давно на заседании президиума КСЖ мы обсуждали работу Мытищинского женсовета. Центр района, в котором он действует, — крупное текстильное предприятие. Конечно, там есть и комиссия профкома по вопросам труда и быта женщин — она занимается производственными и прочими проблемами. Но распространить свое влияние на весь поселок, на все сферы его жизни просто не может. А вот женсовету, в состав которого вошла не только работница фабрики, это вполне под силу. То есть в микрорайоне создали женсовет по территориально-производственному принципу. Круг его деятельности включает и совместный с комиссией профсоюза контроль за соблюдением прав и обязанностей работниц на предприятии, и вопросы, связанные с устройством жизни в поселке. Работа культурных и дошкольных учреждений, спортивных комплексов, воспитание детей, борьба с пьянством, организация здорового и полезного досуга — всем этим и еще многим другим занимаются активисты женсовета.

— Конференции, которые проходили во всех регионах страны, показали, что женщины хорошо знают свои проблемы. Но создается впечатление, что многие женсоветы решили взяться буквально за все.

— Проблем и в самом деле непочтатый край. Возьмите условия труда женщин

в поле, на фермах. Знаю о них по своему недавнему опыту работы председателем облизполкома. В некоторых, даже передовых хозяйствах женщины вынуждены поднимать мешки с кормами по 40—50 килограммов весом. На путях к иным фермам, на самих фермах грязь, о каких уж туфельках тут может идти речь. А женщина всегда хочет оставаться женщиной...

Да, у нас практически нет чисто женских проблем. Все они так или иначе смыкаются с общими социальными. Но добиваться их скорейшего решения должны и женщины, коль скоро они сами заинтересованы в этом. Никто за нас не решит проблему пьянства и алкоголизма, в том числе женского, — явления не только постыдного, но и опасного для наших детей и внуков. Никто, кроме нас, не решит проблему неблагополучных семей. А детские дома... Ведь в наше мирное время сколько сирот при живых родителей!

На последнем партийном съезде и на январском Пленуме ЦК КПСС еще раз говорилось о том, что надо выдвигать женщин на руководящие должности. Женщина-руководитель на фабрике в первую очередь позаботится о бытовках и душе, в колхозе или совхозе — о том, чтобы механизировать труд на ферме, дать возможность дояркам работать посменно и, стало быть, иметь время для занятий с детьми. Подумает о том, чтобы создать в коллективе здоровый микроклимат, способный поддерживать человека в трудной ситуации, не дать оступиться... Так что не нужно сужать круг забот женсоветов. Жизнь покажет, что на самом деле важно, а чем можно заняться во вторую очередь.

Но решать это придется самим. Сейчас в наш комитет потоком идут просьбы: *дайте линию!* Сказывается привычка работать по инструкциям. Надо понять: не может быть конкретных указаний на все случаи жизни. Женские советы на то и создаются, чтобы держать совет! То есть обсуждать наиболее острые и характерные для конкретной местности или предприятия проблемы.

В том-то и сложность, в том-то и задача, чтобы работать творчески, самостоятельно, смело выявлять «болевы точки» и находить лекарства от этих болезней. Для этого, конечно, нужны смелые, социально активные люди. Что греха таить, мы часто считаем активистами тех, кто умеет удачно сказать с трибуны то, чего требует конъюнктур-

ный момент, и не более. В деле такие люди оказываются беспомощными. Я по опыту всей своей жизни знаю, что энтузиасты есть в любом коллективе. Они были даже тогда, когда общественное равнодушие из-за формализма, заорганизованности стало чуть ли не бедой. Сейчас нам важно найти и привлечь к работе тех, кто умеет понять человека, его сильные и слабые стороны, помочь реализоваться доброму в его характере, его способностям.

— У Комитета советских женщин традиционно существуют широкие связи с международной женской общественностью. Намечаются ли здесь какие-то новые формы общения?

— Думаю, что время требует перестройки и в этом направлении работы. Нельзя сказать, что в международном женском движении существует единое мнение по всем актуальным вопросам современного мира. Надо смело идти на откровенные разговоры о том, что волнует женщин всех стран — сохранение мира, выработать единство взглядов и позиций.

Наглядный пример тому — Всемирный конгресс женщин. Вся подготовка к нему шла именно в этом русле: на консультативных встречах, которые проходили в Женеве, Барселоне, Афинах, Бейруте, Софии, Сиднее, Ленинграде, Хельсинки и Ташкенте, мы договорились, что в Москве постараемся обсудить любой интересующий участниц конгресса вопрос. Мы стремились создать максимально благоприятные условия для откровенного и неформального разговора.

Среди участниц конгресса немало тех, кто впервые приехал в нашу страну. Делегатов конгресса пригласили в гости предприятия столицы, детские и лечебные учреждения, московские женсоветы. Многим участницам конгресса предложили поездки по Советскому Союзу. Женские советы — радушные хозяйки — готовы рассказать гостям об участии женщин в огромной работе по перестройке всех сфер общественной и экономической жизни, идущей в нашей стране, познакомиться с коллегами, подругами, своими семьями.

Беседу вела Н. ГОРШКОВА.

Женщинам всегда есть о чем поговорить друг с другом...

Тысячу раз спасибо!

...Трудно прожить человеку так, чтобы все несчастья обошли его стороной, чтобы ни разу не испытал он крайней нужды в помощи. Сегодня полон сил, энергичен, окружен друзьями, но незаметно подошла старость, а с ней немощи...

Так случилось с Дарьей Семеновной Поповой из Тамбовской области. Возраст немалый — восемьдесят семь лет. Живет одна на маленькую пенсию. Ни огород, ни дрова ей уже не под силу. И домишко на ладан дышит — то крыша прохудится, то ступеньки провалятся.

Дарья Семеновна написала в Комитет советских женщин (КСЖ). Горьким было ее письмо. А через некоторое время пришло от нее же совсем другое:

«Тысячу раз спасибо! Не знаю уж, что случилось, а только прибежал ко мне председатель сельсовета и кричит с порога: «Ремонт тебе, Дарья Семеновна, сделаем, топливо завезем, пенсию будешь 50 рублей получать». А раньше он об этом не думал... Доброго вам здоровья за вашу помощь. Только почему, думаю я, те, кто в сельсовете или в райисполкоме, не хотят знать, как у них живут люди, которые на войне воевали».

«Очень хочу, — пишет Евдокия Епифановна Тимофеева (ее судьба тоже устроилась благодаря вмешательству Комитета), — чтоб на вашу женскую долю не выпало столько трудностей, сколько пережили люди моего поколения. Спасибо за заботу. Теперь буду спокойно доживать свой век...»

Отрадно, что люди разных поколений находят общий язык. И все-таки больно за то, что какой-нибудь пустяковый в масштабах района или города вопрос не мог решиться на месте.

Часто, очень еще часто мир и покой в доме зависят от малости: от того, например, чтобы нужное лицо поставило подпись под бумагой, чтобы бумага шла не кружным путем, а прямо по назначению, чтобы человек несведущий, отказывая просящему, дал себе труд заглянуть в наши законы...

«Писала в полном отчаянии. Мне казалось, я не разорву замкнутый круг. Но теперь люди, с которыми мне приходилось встречаться, поняли, что они не правы. И я вновь могу жить, надеяться». — пишет Н. А. Полиенко. Удивительно, но надежда, вера в справедливость оказываются для иных чуть ли не важнее немедленного результата!

Авторитет Комитета советских женщин — это, в сущности, авторитет женщины в нашем обществе. И этот авторитет заставляет людей, от которых зависят чужие судьбы, пересматривать просьбы и жалобы, со всей серьезностью относиться к людским нуждам. Конечно, хотелось бы обойтись без напоминаний. Хотелось бы всегда находить в людях, облеченных властью, чистую совесть и неравнодушный ум. Хотелось бы и такого положения, когда малейшая несправедливость, допущенная по отношению к члену нашего общества, была бы в нем просто невероятна. Признаемся честно — пока этого нет. *«Извините, что отрываю вас от важных государственных дел».* — начинается одно письмо в КСЖ. Но сегодня это и есть важнейшее государственное дело — настаивать, требовать, добиваться, чтобы большие права наших женщин и матерей нигде и ни в каких случаях не попирались, чтобы равенство перед законом было реальностью, чтобы не было у нас обиженных, чтобы человек, нуждающийся в помощи, твердо знал, что ее получит.

Т. ИВАНОВА

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

ДРУЗЬЯ, НАМ НЕ ТЕСНО НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ...

Две тысячи делегаток Всемирного конгресса женщин, таких непохожих внешне и единых в главном — в стремлении защитить мир, сохранить семейный очаг, уберечь детей от возможной ядерной катастрофы, — собрались в Москве, чтобы увидиться, поспорить, просто пожать друг другу руки, почувствовать живое тепло дружбы. Они очень ждали этого конгресса, думали о нем, писали письма.

СТОЛЬ НЕУЛОВИМЫЙ МИР

Прошло 24 года с того времени, когда я как член американской делегации принимала участие в работе Всемирного конгресса женщин в Москве. Валентина Терешкова, советский космонавт, спустилась тогда с небес на своем корабле «Восток-6», и это вселило в нас, участниц конгресса, надежду, что женщинам все по силам, что будет, наконец, перекинут невидимый мост, который объединит нас.

Мне сейчас 81 год. Я по-прежнему работаю во имя мира, который столь неуловим. Сейчас я международный представитель Всемирного фонда мира, а также помогаю координировать воспитание в школах по программе «Дети — учителя мира».

Конгресс женщин по-особому дорог мне и так, как я, ветеранам борьбы за мир.

Маргарет ЛИ,
США, г. Александрия.

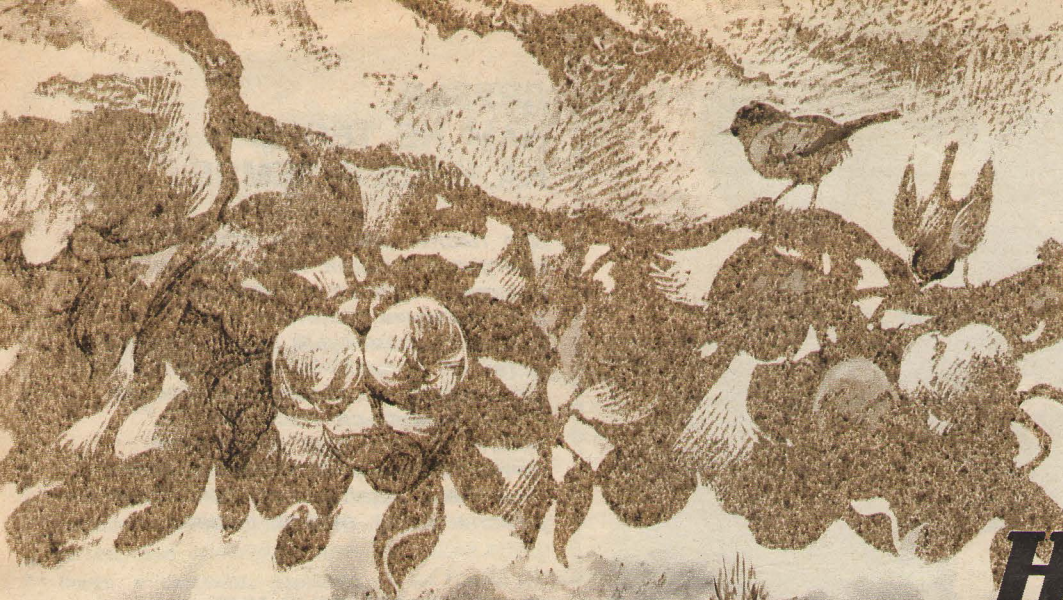
И САМАЯ КРАСИВАЯ ПЕСНЯ...

В прошлом году у нас с подружкой возникла мысль совершить летом 1987 года на автомобиле поездку по странам Европы. Важной остановкой на нашем пути должно было стать пребывание в Москве на конгрессе женщин. И вот мы в пути.

Сколько встреч, сколько новых незабываемых знакомств! Мы останавливались в местах, ставших трагически известными после второй мировой войны — Равенсбрюк, Лидице. — знакомились с тем, что делают для сохранения мира женщины европейских стран, переживших тяготы фашизма, обменивались опытом проведения антивоенных действий. В пути мы организовывали митинги, показывали фильмы, посвященные движению за мир. Были даже импровизированные концерты — ведь мы обе не расстаемся с гитарой.

Мир прекрасен — а к прекрасному нужно стремиться. Мы хотим, чтобы люди жили счастливо, смеялись, любили. И думаем, что не только на Всемирном конгрессе в Москве, но и на всей планете женщины нас хорошо поймут. Для них у нас припасена самая прекрасная песня!

Элен ДИДЕРИХ, Фазия ЯНСЕН,
ФРГ, г. Оберхаузен.

На кого похожа бабушка

Долгое время не замечала Анисья Антоновна, что слова у нее сами собой в рифму складываются. Стала иногда записывать удачные строчки, а к ним и музыку подбирать... В хабаровском хоровом обществе ее песни записали на магнитофон.

Летним вечером выйдет Анисья Антоновна на порожек и сидит иной раз до зоревого тумана. Совсем близко, на противоположном берегу Уссури, колыхается сероватая дымка — там другая страна. Недавно пришла оттуда, из Харбина, весть от Ван Синя, знаконца Анисьи Антоновны, учился он у нас, жил по соседству. Вспомнил тетку Анисью, написал, что никогда не забудет, как она его, больного, выходила. Вспомнила и Анисья Антоновна: жалко было соседа, квартиру ему убирала, еду готовила, даже из своей одежды что-то перешивала. Лет тридцать прошло, а он, гляди, не забыл. Добро два века живет, так говорят. И об этом сложила она стихи.

Их напечатала районная газета, Анисье Антоновне прислали гонорар. Она пришла гонорар возвращать:

— Не могу за душевное слово получать деньги.

— А мы не имеем право взять деньги обратно, — ответили ей в бухгалтерии.

Тогда Анисья Антоновна добавила к гонорару те деньги, что выручила за ягоды, и сделала взнос в Фонд мира. И так на душе у нее стало хорошо, ясно! Убедилась в который раз: добро творить — себя веселить. Тогда и возникла у нее идея насчет Зорьки — отвести ее в Фонд мира. Сомнение, конечно, было — принимают ли там коров? Но не хотелось

Анисья Антоновне отказываться от своей идеи: Зорька бы телят приносила, и увеличивался бы Анисьяин взнос. Зорькин век кончится, а ее потомство умножится — и так бесконечно, как бесконечна жизнь. От этой мысли, простой и очевидной, было у Анисьи Антоновны очень хорошее настроение.

А ночью случился пожар — загорелся во дворе у Анисьи коровник. Сбежались соседи, потушили. Перепуганная Зорька улеглась у забора, а к рассвету родился теленок. Корова же больше так и не поднялась.

Анисья Антоновна назвала телочку Зорькой. А когда та подросла, привела ее к совхозной конторе и написала заявление директору: «Прошу принять в совхозное стадо мою корову по кличке Зорь-

лись. Что она за человек? Почему такая — скажем — непрактичная? И непрактичность ли это?

Помню, ехал я по этим местам, в машине что-то треснуло, она завалила по мокрому асфальту и выскочила на обочину. Шофер, едва сладив с рулем, объявил, что будем загорать до утра. Съехала мокрая крупа. Угрюмо шумела неприветливая в эту пору тайга. Надежда на случайный проходящий транспорт таяла быстрее, чем сгущалась тьма.

— Я уж машину не оставлю, а тебе стоит пойти на ночлег, — нарушил молчание водитель. — Село тут близко. Иди в первый дом за оврагом, там бабка Анисья живет.

В доме словно ждали гостя:

— Заходите. От добрых людей не за-

ший, чем у прежнего хозяина на большом огороде. У соседей, бывало, закончится к лету картошка — к Анисье идут. Вот и думай — практичная она или непрактичная, хозяйственная или бесхозяйственная.

Как бы то ни было, и у других домов появились фруктовые деревья, не орожденные забором.

За картошку, да и вообще за все, что ссужает соседям, Анисья Антоновна денег не берет. Вот и мне положила пятилитровую банку отборной клубники. Это было уже во второй мой приезд; сам не знаю, почему потянуло заглянуть к ней. В тот год ягода уродилась. Бабушка Анисья варенья наварила, соседей угощала, ребятишек зазывала, а «виктории» у нее на огороде словно и не убавлялось. Поехала она на хабаровский рынок. Прошлась вдоль прилавка, приценилась. Ягоды, видно, не везде еще успели, частники этим пользовались: по рублю за стакан брали. Анисье Антоновне это показалось несправедливым, свою клубнику стала она продавать вдвое дешевле. (Эти-то деньги потом и добавила к гонорару, чтобы взнос в Фонд мира был поосновательнее.)

Первое время знакомства удивляла меня Анисья Антоновна. Грешным делом подумал: может, в бога верует, зарок какой дала? Видно, все мы еще допускаем раздвоение нравственных оценок: одна — для себя, другая — для общественного мнения... Но ведь я не читал об Анисье Антоновне в газете, я видел ее, причем в ситуациях совершенно будничных. Хотелось мне ее понять. И корсаковцы, когда она поселилась здесь, удивлялись. Иные посчитали ее немеркантильность, доброту простоватостью, чуть ли не глупостью. Как-то при мне зашел сосед. Начал с лести: уж такая она хозяйка, и двор у нее чище, чем иная изба, прибран... А потом приступил к делу: жена у меня, говорит, расхворалась, второй месяц на бюллетене, а по бюллетеню только половину заработка оплачивают. Хочу, говорит, в профком материальную помощь попросить. Но лучше бы кто-то из уважаемых людей походатайствовал за нее, так вот Анисья Антоновна не сделает ли одолжения, к ее словам прислушаются.

Я, честно говоря, удивился, когда бабушка Анисья твердо отказала. Сосед ушел, и она объяснила: дом у этого человека — полная чаша, достаток добит на рынке. На летний сезон они с женой увольняются из совхоза, продают в Хабаровске ранние огурцы, помидоры. Потому и трудового стажа кот наплакал, потому и больничный не полностью оплачивают.

— Стыд потеряли, потому что рубль потерять бояться.

И тут увидел я в голубых глазах Анис-

АНИСЬЯ

ка. Прошу считать это моим вкладом в Фонд мира. Пенсионерка Анисья Антоновна Антонова».

— Дело святое, — перечитав заявление, почесал в затылке директор, — но какое отношение имеет наше стадо к Фонду мира?

— Я так рассудила: Зорька корова удойная, больше полтора ведер в день дает. И норов золотой. Но если попадет в плохие руки — загубят. А у нас доярки толковые, меньше риска-то. Принимай, директор, принимай. Не то до районного начальства дойду!

Зорьку взяли в совхозное стадо. Бухгалтерия 637 рублей перечислила в Фонд мира. В Корсакове опять какое-то время посудачили о том, что за человек бабка Анисья.

— Зорьку-то проведываешь? — спрашивали при встрече.

— Стараюсь ходить пореже. Недавно, правда, шла мимо, гляжу: стоит, меня увидела, замыгала. Помнит еще.

— В деревне без коровы что за жизнь? — рассуждали соседи. — Вон как подворье опустело. Да и за молоко ты, Антоновна, не одну бы сотню в сезон взяла.

— У меня ж северная пенсия, — словно бы оправдывалась Анисья Антоновна, — и дети в помощи не откажут, если что. Мне лишнее-то ни к чему.

— Это смотря что лишним считать. Гляди, у тебя на зубе щербина. Могла б золотой вставить. Нет, — утверждались соседи в давно открытой истине, — при твоём характере денег не накопишь!

О характере бабушки Анисьи и я думаю с тех пор, как мы с ней познакоми-

кываюсь, а от злых и запоры не помогут.

Утром вышел я на крыльцо белого домика. Стоит он на взгорке, виден с него берег амурской протоки, такой широкой, что можно спутать с самим Амуром. Удивило меня, что огород у Анисьи Антоновны гораздо меньше, чем у соседей, а садик выходит прямо на улицу и забором, как это обычно бывает, не обнесен. Оказалось вот что. Когда Анисья Антоновна решила насовсем поселиться в Корсакове, пришла она покупать этот домик. Говорит хозяйну:

— Что ж ты улицу у людей отобрал? Гляди-ка, забор выдвинул, прохожим и места не оставил. У соседних домов вон какая широкая улица, а у твоего дома — полтора метра.

— Тут же край села, кому ходить-то? — Потому и не ходят, что свою хату крайнейней считаешь.

Как перебралась, сразу перенесла забор. И всем на удивление выжил садик, плодоносить стал вроде даже лучше прежнего. Как-то залезли мальчишки, а тут Анисья вышла. Они стрекача.

— Куда же вы, — кричит им Анисья, — для вас разгородила! Только рвите осторжно.

Огород свой она разделила на несколько участков. Самый маленький, что к дому ближе, оставила себе, остальные раздала многодетным соседям. С утра до вечера возилась Анисья Антоновна в своем огороде, каждому стебельку сто раз кланялась. Даже картошку, прежде чем посадить, поштучно отсортирует, закалит солнечным светом, загодя прорастит. И урожаем у нее получался не мень-

сьи Антоновны какой-то небезопасный огонек. И потом видел этот непримиримый огонек, когда говорила она о разных неблагоприятных, которых много даже в их благополучном совхозе. Добра Анисья, но не проста, не безответна.

Шла она как-то на ферму. Навстречу парнишка-семиклассник, тяжелую сумку едва несет. Увидел Анисью Антоновну и словно растерялся. Повернула она его, пришли на ферму вместе, вытряхнул паренек из сумки картошку...

А дня через два на той же тропке встретила Анисья Антоновна мать того мальчика, и тоже с сумкой. А в сумке комбикорм... Нарисовали эту доярку в сатирическом листке, штраф заставили платить.

Сына ее бабушка Анисья встретила на субботнике, оба на парниках в тот день работали. Смотрит мальчишка исподлобья. А она словно не замечает, похваливает его:

— За тобой не угнаться. Ну да угонюсь попробую, еще и больше твоего грядок прополю.

Он спешит уйти вперед, она ему на пятки наступает. Что-то шепчет. О чем они говорили — я не слышал, но к концу работы повеселел мальчик.

А как бы я поступил на месте Анисьи Антоновны? Не знаю. Но, если решился бы на то, на что решилась она, наверное, распалился бы праведным гневом и забыл о мальчике, о его душевном состоянии. Или подумал бы: и ему поделом, не будет воровать. Я себя спрашивал: правильно поступила Анисья Антоновна? Правильно: воровство, жульничество, ловкачество всем уже надоели, и не от бедности сегодня воруют — от жадности. Почему же мне поступок ее кажется не совсем обычным? Не потому ли, что очень уж явно показывает он, как велики отступления от правды, от нормы в нашей обиденной жизни? Отступления эти, конечно, не без причин возникли, объяснить их можно. Но принимать — надо ли? Каково нам будет, если мы не только отступим от правды, но и правду за правду считать перестанем? Односельчане Анисьи Антоновны, порой раздражаясь ее прямолинейностью (а, может, точнее — последовательностью, цельностью характера?), не уважать ее не могут. В отношении к ней — целая радуга чувств. То она им лицемеркой кажется: «Знаем вас, правильных-то». То ненавидят, как ненавидела та доярка, что комбикорм воровала. И при всем том пенсионерка Антонова — своего рода лидер в селе.

Над Приамурьем пронесся жестокий тайфун, вызвал небывалые ливни, переполнились реки, соседние селения затопило. Анисья Антоновна вместе с односельчанами пошла в сельсовет решать, как переправить пострадавшим часть урожая с личных огородов. Прибыли

корсаковцы на вертолетную площадку, куда воздушные эшелоны доставляли жителей окрестных сел, снимая их с крыш затопленных домов. Корсаковцев, живущих на взгорке, эта беда миновала, и звали они соседей в свои дома, к теплу, к накрытому столу, несли одежду и продукты. И увидели: их помощь — капля в море. Уже открылись эвакуационные пункты, развернулись палаточные городки, задымили полевые кухни — пострадавшим помогала страна. И прекрасно было чувствовать себя каплей в море доброты и взаимопомощи. Может, в эти дни односельчане впервые поняли Анисью Антоновну, став на несколько дней такими же, как она.

Мне интересно было, как сформировались взгляды Анисьи Антоновны, я расспрашивал ее о жизни. И вот что узнал. Отец ее, Антон Лодзинь, из латышских рабочих. После революции послали его на Алтай — помогать строить новую жизнь в деревне. Жена его, мать Анисьи Антоновны, русская. Поселились они в деревне Гунихе. Отец был человеком мастеровым, все механизмы знал, весь сельхозинвентарь чинил. В гражданскую ушел в красные партизаны, там и погиб, вдали от родной Латвии, совсем молодым, сейчас внуки старше деда.

Он говорил: того, кто только для себя живет, нельзя считать настоящим человеком. И не было для Анисьи большей радости в детстве, чем когда говорили: «Ты, девка, вся в отца!»

Училась она мало. Даже в комсомол не вступила — была, как тогда говорили, активно сочувствующей. С газетных страниц прозвучал призыв Валентины Хетагуровой: переселяйтесь, девчата, на Дальний Восток! Так Анисья Антоновна оказалась в этих краях. Где руки были нужны — там она и была. Даже в Корсакове пожить довелось еще в те, довоенные, годы: овощи выращивала, хлеб пекла, коров доила. Когда появилась здесь уже в почтенные свои лета, соседи ее сразу вспомнили. Работала Анисья Антоновна и на Севере, потому и пенсия у нее льготная.

Когда поселилась она в Корсакове, сразу возник вопрос: почему одинокая? Объяснила: трое сыновей у нее и дочь. Уже своих детей растят. Сыновья в мать, на подъем легкие, сейчас на больших стройках в Якутии. Дочь Валя поужнее, на Транссибе. Анисья Антоновна хранит их письма, школьные дневники, пионерские галстуки.

А муж оказался пьющий. Хороший был, работающий, но слабый.

— Бывало, пьет и плачет, плачет и пьет. Хочет остановиться — и не может. В конце концов из дому ушел. Уступила я злу, простить себе не могу.

В вечном противоборстве доброго и злого, на своем опыте убедилась Ани-

сья Антоновна, двух победителей не бывает. Добро должно быть активным. И строгость нужна. От доброты и строгости порядок на земле.

В ее архиве, кроме фотографий, дневников детей, — газеты военного времени, ленинская брошюра о войне и мире — с пометками, подчеркиваниями. Научившись грамоте в зрелые годы, Анисья Антоновна стала читать жадно... Мысли Ленина о войне и мире ее поразили: «Еще когда писано, а и сегодняшнему дню подходит». Есть у нее и заветная тетрадь, куда заносит она свои мысли о жизни, наблюдения. Вот одно: доброта, считает Анисья Антоновна, не столько от характера, сколько от того, каким человек хочет видеть мир. Доброту можно в себе воспитать, развить. А если ты себя не можешь на доброе направить — других не сумеешь тем более. И будет тебя нести по жизни, как по волнам, и ты в своей судьбе тогда неволен...

Я уехал из Хабаровского края, но Анисью Антоновну забыть не мог, стали мы с ней переписываться, переписываемся и до сих пор. Попал я, наконец, на родину, в Воронежскую область, где весь мой род, где живет моя мама. Случилось у нас небольшое семейное недоразумение. Дальний родич упрекнул маму...

Лучше по порядку. Мама корову не держит, но огородик у нее есть, она там от зари до зари хлопочет. В огородике, естественно, трава растет, мама ее выпалывает, выкашивает. А поскольку она человек деревенский, то выбросить траву не может: сушит и в копенку складывает. За лето набирается маленький стожок. И вот по весне отдала мама это сено колхозной ферме.

— Лучше бы мне, — говорит родич, — у меня ж корова.

— У тебя и сено есть. А не хватит — купишь, не бедный, — отвечает мама. — А там нехватка.

— Да пусть бы запасали!

— Что ж ты не запасал? Ты ж в колхозе работаешь...

Разговор этот напомнил мне... ну, конечно, Анисью Антоновну. Ее логику, ее взгляд на жизнь. Мама моя старалась тоже поддержать в мире некий уровень правды и добра, старалась и за себя, и за других. Более того: в каждом из нас что-то есть от бабушки Анисьи. Каждый человек хоть раз в жизни, да поступил по правде, по совести, не оглядываясь на свою выгоду. Вот на тех, какими бываем мы в такие минуты, и похожа бабушка Анисья. Потому и ходят к ней корсаковцы. Нет на свете человека, который бы не тянулся к добру.

Юрий ЖИГАЙЛОВ

Совхоз «Краснореченский»,
Хабаровский район,
Хабаровский край.

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Александр Кушнер — коренной ленинградец. И это, несомненно, отразилось на строе его стихов: они так же строги и точны в деталях, как его город, а порой и непредсказуемы, как ленинградская погода. Поэт умеет говорить «о времени и о себе», не срываясь в риторику. Его интонация — интонация негромкого, но взволнованного разговора, не случайны названия его книг: «Приметы», «Письмо», «Голос»... Сегодня мы публикуем новые стихи наряду с известным стихотворением «Времена не выбирают...».

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чтоб клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но дымитесь сад чудесный.
Блещет тучка: я в пять лет
Должен был от scarлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливицы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и прокаже?
Хочешь ехать в первом классе.
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный.
Но дымитесь сад чудесный.
Блещет тучка: обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому.

Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки.
С нас его черты и складки.
Приглядевшись, можно взять.

Вдруг — ясный день,
нежданный вдруг просвет.
Как в темной ссоре ласковое слово.
Нигде, нигде такого солнца нет.
Средь мглы и сна — желанного такого!

Вдруг — нежный блеск, и грубая стена
В роскошный желтый шелк переодета.
Не город — жизнь в нем преображена.
Как влажен куст и пестр! —
да что же это?

Вдруг — светлый час в истории, скупой
На кроткий взгляд и долгие поблажки.
Вдруг — громкий смех на площади пустой
И луч на ней, играющий в пятнашки.

Как благодарны мы ему! Нева
Свинцова? Нет, светла, золотогрива!
Где так еще пылает голова.
Свежа листва и радость тороплива?

Ну, как? Ну, здорово?
Ну, нравится тебе?
Я пристаю весь день, как будто
этот край
Приморский, ласковый, с листочком
на губе
Скупым, самшитовым, и ласточкиных
стай,
Косых, стремительных неистовый полет,
И горы сонные за знойной пеленой —
Все это, в сущности, и нежный
небосвод.
И волны — созданы и выдуманы мной.

И одобрение твое — награда мне,
А восхищение... Я поощрен, я рад,
Я горд... И то сказать,
с собой наедине
Мир этот солнечен ли так же, и покат,
И щедр?.. Нет, милая. И если
божий лик
И впрямь когда-нибудь
отобразится здесь,
В огромном зеркале, то вспыхнет
в тот же миг
В нем человеческий бесчисленный
облик весь.

Лет на семь раньше я родился —
и жизнь иначе
Моя устроилась бы: я б стихи любил
Иные, с юностью б совпал моей
горячей
Гнев государственный и коллективный
пыл
Собраний в актовом, пахнущем пылью
зате.
С языкознанием и крупной тяжбой в нем
При мне бы чью-нибудь моральную
связали
Нестойкость, жгли б ее железом
и огнем.

Лет на семь раньше я родился...
В чертополохе
Людском и сам бы я литов был и колюч.
Дух обличительный, как пух...
Продукт эпохи
Я, человек, от почв завишу и от туч,
Каким бы вымахал, подумать страшно.
вреде
Тех, кто поглядывает искоса сейчас
На время мягкое и жаждет от мелодий
Звучанья громкого и непреклонных
фраз.

А мы и в пятьдесят Андриюши, Люси,
Саши.
Я к отчеству, сказать по правде,
не привык.
Порхают имена младенческие наши,
Не тратя лишних слов, ложатся на язык.
И внуки наши нас не старят почему-то.
Так праотцев, небось, на ложе
дум и нег
Средь жен и козых стад века,
вздываясь круто.
Не старили... Ау, Мафусаилов век!

Я помню майский день в бессмертном
сорок пятом.
Мне в пятьдесят шестом пробило
двадцать лет.
Кто не жил в эти дни, пристрастье
наше к датам,
Должно быть, не поймет,
ему в них доли нет.

Мне отчество друзей неведомо. Потерю
За гранью здешних дней восполним
как-нибудь.
Солидности боюсь и важности не верю;
Писатель входит в дверь, выпячивая
грудь.

Мы переждем его с улыбкой в отдаленье.
К нам вечность в руки шла одною
из удач.
Поэтому-то я на наше поколенья
Печально не гляжу:
не хнычь над ним, не плачь!

События, легшие в основу этой повести, не плод авторского воображения. Они произошли в действительности с реальными людьми, многие из которых счастливо здравствуют и поныне. Место их жительства — Западная Сибирь, Кемеровская область, село... Впрочем, если автор по вполне понятным причинам позволил себе изменить имена героев, то указывать их домашний адрес вроде бы не обязательно. Тем более что, по глубокому убеждению автора, эти события могли произойти в любом уголке нашей страны.

Никогда не забыть Галине Максимовне Верхозиной того страшного дня, когда надменно шелестящий под колесами «газика» лед, припорошенный свежеснеженным снегом, вдруг надломленно хрустнул и открылся уродливыми трещинами, из которых хлынула черная, глубинная вода. Автомобиль забуксовал и ошутимо быстро начал уходить вниз. Муж Павел Петрович рванулся с перекошенным лицом к жене, беспамятно прижавшей к груди закутанного в одеяло ребенка, и, навалившись на ее ноги, сумел-таки распахнуть уже чиркающую по льду дверца. Автомобиль, кренясь, на мгновение застыл, и этого кратчайшего мига хватило на то, чтобы Павел Петрович вытолкнул жену с ребенком наружу. Галина Максимовна упала боком на заснеженную кромку, к счастью, оказавшуюся достаточно крепкой, и отчаянно поползла к берегу, одной рукой придерживая ребенка, другой отталкиваясь ото льда...

Берег был крутой. Галина Максимовна полезла, увязая в сугробах, наверх и только там оглянулась. На месте, где была машина, всплывали из черной глубины белые осколки льда. Вдруг громко и утробно булькнули пузыри, и стало тихо-тихо. Казалось, успокоился и ребенок, но он просто закатился в крике. Галина Максимовна искала и нигде не видела мужа. На заснеженной поверхности реки виднелись лишь

четкие следы от протектора, которые увидели в большой неровный овал воды, где громоздился прибитый быстрым течением ворох наломанного льда...

Потом была дорога. В валенках хлюпала ледяная вода, колени и ноги ломило от холода, подол замерзшего пальто вздуло коробом, и полы стучали друг о дружку, как деревяшки.

Сумерки сменились вечерней мглой. Боль в ногах сделалась нестерпимой. Воды в валенках уже не было, и при каждом шаге они противно скрипели и терли ноги. В конце концов Галина Максимовна рухнула на колени и растревожила ребенка.

Сидя на корточках, Галина Максимовна убаюкивала его, раскачиваясь из стороны в сторону. Наконец он затих. Она положила его и на колени, выставив вперед замерзшие полы пальто, отползла к обочине, разгребла ямку и, вернувшись за ребенком, уложила его туда. Сама легла рядышком так, чтобы теплом своей груди защищать его от холода сверху. С боков подгрела слегка и затихла.

Ночью ее подобрал шофер самосвала. Полумертвую затащил в кабину, пристроил на коленях сына, скрепив его обмороженными материнскими руками, и сел за руль.

— Куда вы? — с натугой выговаривая слова, спросила Галина Максимовна. — Мне надо в ту сторону, а вы куда?

— Ты крепче держи его, — ответил шофер. — Парень у тебя или девка? Парень... Ну вот, держи...

Весть о гибели старшего механика Павла Петровича Верхозина потрясла все селение. Люди знали его с малых лет, уважали за трудолюбие, смекалку и особое ловкое мастерство, с каким он устранял любую поломку в механизмах. Все село обращалось к нему за помощью.

Жили Верхозины недалеко от фермы, и доярки хорошо знали и Галину Максимовну, и ее дочурок — пятнадцатилетнюю Нину и восьмилетнюю Любу. Жили они дружно, и вдруг такое несчастье...

Покончив с утренними делами, доярки немедленно поспешили к дому Верхозиных. Они оказались далеко не первыми: со всех концов деревни тянулся к дому Верхозиных народ, калитка палисадника беспрепятственно хлопала.

В самом доме происходили сборы. Люби-

на учительница Антонина Трофимовна собирала девочек в пришкольный интернат, выстроенный для ребятешек из отдаленных таежных деревень. Все необходимое уже было уложено в чемодан, но сестры оттягивали время, то вынимали учебники из портфеля, то опять старательно и молча влихивали их туда.

— Люба, что же ты? — ласково позвала Антонина Трофимовна и, приблизившись, погладила ее по коротко остриженной темноволосой головке.

— К маме хочу, — изо всех сил сдерживая слезы, еле слышно отозвалась девочка.

— Мама в больнице, вернется не скоро. Давай я тебе помогу. — И Антонина Трофимовна накинута пальто девочке на плечи.

У дверей громко, навзрыд заплакала молоденькая почтальонша Аня Белькова. Рыдания, верно, вырвались у нее неожиданно, и она, испуганно зажав рот рукой, выскочила, давась плачем, на улицу.

И началось.

Женщины рыдали так безудержно, что одной стало плохо, и пришлось отпаивать ее водой. Это заставило Антонину Трофимовну собраться с силами, вывести девочек и усадить в специально присланный микроавтобус. Шофер сразу же, едва захлопнулась дверца, дал газу. Зареванные женщины закрыли на замок дом и разошлись кто куда...

Галине Максимовне ампутировали несколько обмороженных пальцев на руках и ногах. Не перенеся воспаления легких, скончался в больнице сынишка. Похороны взял на себя колхоз. Руководили всем старухи. Когда гроб опустили в могилу, Нина и Люба по очереди бросили на крышку по комку мерзлой глины. Обе не плакали, и старух это немного огорчало.

Шла обеденная дойка. Широкая двусторчатая дверь коровника была открыта настежь, из нее валил пар. Кисловатый запах кукурузного силоса распространился далеко вокруг.

Анфиса Баранова бегала от одной группы коров к другой, зазывая доярок к своему стойлу. Не поленилась сбегать и в дальний конец фермы к Дарье Михайловне Латышевой.

— Слышь-ка! — окликнула она ее и, улыбаясь, подала рукой знак остановиться. — Иди-ка в мою группу. Нинка Вер-

Журнальный вариант

Коровка, коров

Анатолий СЕМЕНОВ

хозина здесь. Корову доит. Смех и грех.

Дарья опустила руку со шлангом, на конце которого болтались соединенные вместе четыре соска доильного аппарата.

— Зачем доит-то?

— А я знаю? — ответила Анфиса. — Одна пришла, ни подружек, никого с ней. — И, прогнав с лица улыбку, вопросительно уставилась на Дарью. Пожала плечами и добавила: — Сама удивляюсь, чего это вдруг. Все смотрела, как работаю. А начала я вручную Красулю додаивать, она и привяжись: дай подоить да дай... Иди-ка, взгляни на нее.

Дарья повесила аппарат на гвоздь, вбитый в столб, и, озадаченная, пошла за Анфисой.

Зрелище и в самом деле предстало необыкновенное. Девочка в белой пуховой шапочке и коричневом демисезонном пальтишке сидела под самым брюхом коровы с зажатым между колен подойником. Она тянула то один сосок, то другой, то оба сразу, двигалась со скамейкой все ближе и ближе к вымени, касалась его своей пуховой шапочкой, но все было тщетно. Ни одной капли не упало в подойник. Увидев Анфису, девочка стыдливо съежилась и опустила худенькие руки на дужку подойника.

— Чего нос повесила? — сказала Анфиса, подмигивая подругам. — Ты попроси ее: коровка, коровка, дай молочка...

Женщины окружили горе-доярку со всех сторон.

— Давай, давай, работай, нечего сидеть, — командовала Анфиса.

Подшли трое мужчин. Бригадир Александр Егорович Бархатов, одетый по-чистому: худой и сутулый, в засаленной телогрейке, подпоясанной широким солдатским ремнем, из-за которого торчали брезентовые рукавицы, скотник Николай Тарбеев; третий, коренастый, весь, как мельник, в муке, фуражир Василий Наумов.

— Что за цирк? — спросил бригадир. — Кто такая? Верхозина?

— Старшая.

— Доить, что ль, учиться?

— Да вроде так.

— А что, хорошо, — сказал бригадир, вдруг изменив тон. — Пусть учится. Молодец. Давай, девка, шпарь.

— Ишь какая настырная, — сказала вполголоса одна из доярок.

Дарья шагнула к Нине и тронула ее за плечо:

— Пойдем.

Нина тотчас, как будто только этого и дождалась, встала и пошла, бренча подойником, за Дарьей.

Дарья энергично с ходу сунула скамейку под приземистую корову с черными пестринами на боках.

— Садись!

Нина села, зажала подойник между ног. Дарья встала позади девочки, приладила ее руки к соскам и вместе с ней начала доить. Сильные струи молока ударили в подойник. Дарья отпустила ее руки и выпрямилась. Нина оглянулась.

— Пробуй, пробуй, — поощрила Дарья.

Боясь оконфузиться, Нина осторожно взялась за соски, слегка жиманула их с оттяжкой, как учила доярка, и молоко пошло. Тонкими струйками, вкривь-вкось, а пошло.

— Ну вот, — сказал Василий Наумов, повернувшись к Тарбееву, — чем не доярка?

— Молодчина, — подхватил Николай.

Нина тянула соски раз за разом, краснела от похвал и старалась изо всех сил...

С того дня Нина зачистила на ферму. К ней быстро привыкли и нарекли Дарьиной подружкой.

— Спроси-ка свою подружку, — сказала однажды Анфиса, обратившись к Дарье, — чего ее с этих лет на ферму потянуло?

— Я уж спрашивала. Молчит.

— Странно. Непонятно мне все это. Чует сердце...

— Да я уж и сама-то не своя, — ответила Дарья, поднимаясь из-под коровы.

— Давай сходим к Максимовне, поговорим, — предложила Анфиса.

— Надо будет зайти, — согласилась Дарья.

...Продавщица Ольга Мартыновна сидела в теплой прихожей и вязала свитер из грубой серой пряжи. Сын Стасик читал книжку. Ольга первая услышала подозрительный шум в сенях.

— Кошка скребется, что ли? — обратилась она к сыну. — Глянь-ка, кто там.

Стасик вышел из-за стола, открыл дверь и отпрянул. За порогом вся в снегу стояла с большой хозяйственной сумкой в руках закутанная в платок девочка.

— Батюшки мои! — воскликнула Ольга, роняя вязанье. — Никак младшенькая

Верхозина! Люба, ты что, за покупкой? А чего ж в магазин не пришла?

Люба склонила голову так низко, что лица ее не видно стало совсем... С минуту, наверное, длилась мертвая тишина. Слышно было лишь, как повизгивает на валике диск электрического счетчика.

— Ну! — понукала Ольга. — Говори же, чего тебе нужно.

Люба проглотила подкатившийся к горлу комок и еле слышно пролепетала:

— Подайте, пожалуйста.

Ольга, подавшись вперед, окаменела.

— Что... Что ты сказала?

Стасик повернулся к матери.

— Она сказала...

Мать резко подняла руку, жестом приказывая сыну замолчать. Наклонившись к девочке и придавая своему голосу как можно больше ласковости, спросила:

— Есть хочешь?

Люба утвердительно кивнула.

— Господи боже мой! — сказала Ольга и засуетилась, хватаясь за голову. — Иван! — вдруг закричала она, глядя в комнату, из которой доносился храп. — Иван! Вставай! Стасик, буди отца. Сейчас, сейчас... Что же делать-то?.. Ой, господи! — Она подошла к Любе и наспех стала раздевать ее. Сняла варежки, платок, пальто и все это вместе с хозяйственной сумкой бросила на диван.

— Нина-то где?

Люба покосилась на дверь. Ольга в одном платье выскочила во двор. Там было пусто. Снег кружил как в вихре. Прижав одной рукой разметавшиеся волосы, Ольга вышла за калитку. Нина стояла на противоположной стороне улицы и, как только увидела продавщицу, отвернулась и пошла прочь.

— Нина! — крикнула Ольга. — Поймай! — И побежала к девочке.

Дома Ольга, спеша, поставила на стол, нарезала хлеб, принесла из сеней тарелку с творогом и вазу с вареньем, обильно полила творог сметаной и посыпала сахаром. Усадила девочек, а сама стала быстро одеваться, наказывая мужу и сыну никуда их не отпускать и выключить чайник, когда закипит. Застегивая на ходу пальто, выбежала из квартиры.

Она вернулась довольно скоро, приведя с собой женщин, живших по соседству. Они ввалились гурьбой, напустили холоду. Все

жа, дай молочка

были в крайнем возбуждении. Девочки съелись и отложили ложки.

— Мать моя родная! — воскликнула Наталья Сорокина, отпихиваясь и расстегивая пуговицы фуфайки. — Как же это, бабы, получилось-то, а?

— А вот гадай, как получилось, — ответила Анисья Пустозерова, усаживаясь удобнее на диване.

— Это что ж, дома-то совсем, что ли, нечего есть? — спросила девочек Анисья.

— Лук и морковку давно съели, а картошку позавчера, — ответила Нина.

— Господи, кто бы мог подумать! Про Максимовну-то разве пришло бы кому в голову? Сколько вбухала на поминки!

— А на ограду с памятником? Говорят, на заводе заказывала. Такой памятник отгрохала...

— Ой беда, — сказала Наталья, вытирая концом платка слезы.

Ольга Мартыновна хлопотала возле стола, накладывая в розетки варенье, подавая к чаю целую гору песочников, конфеты. Все это она двигала ближе к девочкам.

— Ты их не пичкай особенно.

— Ну, ничего, — сказала Ольга. — Пусть отдохнут немного и снова поедят. А мы давайте решать, что делать.

— А что решать? Я завтра увижу председателя колхоза, наплюю ему в глаза.

— Ладно, бабы, — сказала Наталья, махнув рукой. — У меня картошки нынче много. Пять кулей даю.

— Да я три добавлю.

— Да я два — для ровного счета.

— Вот им и хватит за глаза. Сейчас же надо это дело организовать...

Когда машина подъехала к дому Верховиных, Галина Максимовна лежала на кровати. Она насторожилась, но подумала, что приехали к соседям, и снова обратилась мыслями к тому, как долго может провисеть в комиссионном магазине райцентра ее цигейковая шуба и куда без спросу удрала ее дочери.

Хлопнула калитка, послышались голоса, и Галина Максимовна снова насторожилась. Вместе с женскими вдруг стали явственно слышаться мужские голоса, и первая мысль была самая страшная — не случилось ли что с дочерьми. Галина

Максимовна, чуть не вскрикнув, вскочила с кровати, схватила халат и трясущимися руками стала надевать его на себя.

Люди вошли уже в дом, их было много. Галина Максимовна, превозмогая головокружение и слабость, пошла в прихожую.

То, что она увидела в прихожей, было поразительным и необъяснимым. Женщины толкались возле двери, стращивали с фуфаяк и платков снег, некоторые раздевались, не спрашивая ни у кого разрешения, а посреди комнаты стоял мужчина, согнувшийся под тяжестью мешка. В дверях, переступая порог, согнулся еще один мужчина с мешком на спине, и в коридоре тоже виднелись мешки.

Мужчины гуськом потянулись на кухню, послышался шорох спускаемой в подпол картошки.

— Погоди, Николай, это морковь со свеклой, их отдельно, — командовала Наталья. — Сначала картошку давай.

Галина Максимовна, держась одной рукой за спинку стула, не могла произнести ни единого слова. Вид у нее был до того жалкий и растерянный, что, казалось, стоит не женщина, а девчонка, одураченная и околпаченная со всех сторон.

— А, Максимовна, здравствуй! — сказала Марина, подходя с улыбкой к хозяйке. — В этой суматохе забыли и поздороваться.

— Здравствуй, Максимовна!

— Здравствуй! — закричали женщины наперебой. — Извини, что хозяйничаем.

Галина Максимовна, успевая только переводить взгляд с одной женщины на другую, увидела своих дочерей, едва перетаскивающих через порог большую, туго набитую хозяйственную сумку. Увидела и все поняла. И опустила на диван в изнеможении.

Когда мужчины ушли, женщины еще долго возились в кухне, в подполе и кладовой, наводили порядок и устанавливали все по местам.

На шум пришла соседка Мария Бобылева, и лавина упреков обрушилась на нее.

— Не знала, — оправдывалась Мария. — Ей-богу, не знала.

— Проведывать надо было. Рядом живешь.

— Я проведывала. Так она хоть бы словечком.

— Что уж, ни о чем так и не говорили?

— Она все на руки жаловалась, что не заживают долго и болят еще хуже.

Мария и за ней все остальные вошли в комнату, где сидела на кровати Галина Максимовна. Женщины понимали, ее состояние и не знали, с какого боку подступиться. Захлопнув крышку подпола, последней пришла из кухни Наталья Сорокина.

— Ну, Максимовна, — весело сказала она, расталкивая женщин и проходя вперед, — картошки навалом. Редьку, свеклу, морковь я положила в угол возле лесенки.

— Зачем вы это? — спросила Галина Максимовна, не поднимая головы.

— Ты это, Максимовна, и думать не смей, — сказала Наталья, по привычке жестикулируя. — Может, вгорячах что и не так сделали, деликатней надо было, ты уж прости. Когда тут соображать? Господи! Умом рехнулись.

Галина Максимовна выпрямила спину, гордо подняла голову и, борясь со слезами, наворачившимися на глаза, сказала срывающимся голосом:

— Я со дня на день... жду перевод из города.

— От кого?

— Из комиссионного магазина.

— А-а...

Протяжными унылыми возгласами женщины выразили свое отношение к комиссионному магазину.

— Все это ты ерунду говоришь, Максимовна, — сказала Наталья. — Все это тебя не спасет. Вот картошки мы запасли — другое дело. И на семена хватит, и до нового урожая, и еще останется. А чтоб добро зря не пропадало, поросенка заведи. Поросенка я тебе дам. Моя свинья скоро опоросится. Во какая свинья!

— За все, что вы привезли, я рассчитаюсь. И картошку верну. С нового урожая. Я отдам. — Галина Максимовна окинула всех взглядом и разволновалась еще больше. — Я вам все верну. Спасибо за помощь, но я... я...

— Хорошо, хорошо, Максимовна! — торопливо начали поддакивать женщины. — Выздоровливай да выходи на работу. Главное — выздоравливай...

На другой день утром прибежала из конторы Зина Акимова, которая работала кассиром и секретарем-машинисткой вместо Верховиной.

— Ну, Максимовна, не икалось тебе с утра? — спросила она с порога и затараторила: — С восьми часов правление заседает. Видела бы ты председателя, аж позеленел весь. Тебя ругал и всех нас, что проглядели. Ой, что было! В общем, постановили выделить тебе из кассы пока сто рублей, вот они. — Зина вынула из сумочки деньги и положила на стол. — И кроме того, пока не выйдешь на работу, по тридцать рублей ежемесячно. Маловато, конечно, но еще продуктами помогут.

— Уже все знают, — с горечью произнесла Галина Максимовна.

— А что ж ты думала? Здесь же деревня.

Вечером того же дня, еще засветло, к дому Галины Максимовны подъехала подвода, груженная мешками и ящиками, между которыми стоял старый, неизвестно кем пожертвованный ради такого случая курятник с белыми леггорнами и великолепным желтогривым петухом с ярко-красным, свалившимся набок гребнем.

Галина Максимовна уже знала во всех деталях, что произошло на заседании правления, но встречать подводу не вышла и сидела, ссутулившись, на кухне, в каком-то странном оцепенении, будто решался жизненно важный для нее вопрос и она не знала, как поступить.

Заведующий колхозными складами Емельян Ермолаевич сам открыл ворота и завел лошадь в ограду. Прежде чем разгружать, вынул из кармана документы и вошел в дом.

— Есть тут кто-нибудь? — зычным голосом спросил кладовщик, войдя в прихожую.

Никто не отозвался. Емельян Ермолаевич заглянул в кухню.

ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

«ОСТАВЛЯЮ РОДНЫЕ МЕСТА...»

«...Мы не можем больше смотреть, как администрация разваливает хозяйство,— написали в «Крестьянку» рабочие совхоза «Красилровка» Стародубского района Брянской области.— Нет у нас заботы об улучшении условий труда сельских тружеников, люди не выдерживают и уезжают, оставляют родные места...»

Председатель агропромышленного комитета Брянской области В. М. Есликов, которому мы переслали это письмо, сообщает: «Жалоба рассмотрена с выездом на место. Факты, изложенные в письме, подтвердились.

Многие животноводческие помещения в хозяйстве ветхие, слаба кормовая база, рационы животных не сбалансированы по минеральному составу, допускается падеж молодняка крупного рогатого скота и свиней.

Письмо обсуждено в совхозе с участием директора и главных специалистов. В настоящее время в хозяйстве принимаются меры по устранению выявленных недостатков.

На отделении «Понуровка» построен новый телятник, введен в эксплуатацию Дом животновода. В ближайшее время из аварийного помещения в новый коровник будут переведены 100 коров. Совхозу оказана помощь в приобретении запасных частей для ремонта и ввода в действие кормоцехов. В животноводческих помещениях улучшен санитарно-гигиенический порядок».

КАЛЕНДАРНЫЙ ДЕФИЦИТ

«В нашем селе Макарьевка Пресновского района Северо-Казахстанской области нет отрывных календарей,— пишет читатель Т. Ю. Красножон.— Продавец магазина на вопросы отвечает, что календари к ним не поступают. Как быть?»

Госкомиздат СССР, куда обратилась редакция за разъяснением, отвечает: «Отделом книжной торговли Северо-Казахстанского облпотребсоюза селу Макарьевка будет выделено несколько десятков календарей дополнительно. На будущий год можно сделать заявку через свой магазин на необходимое количество календарей и потребовать ее выполнения».

Кроме того, заверили нас в Госкомиздате СССР, в текущем году будет пущена первая линия специализированного полиграфического комбината в Костроме. Это позволит увеличить тираж календарей на 8—10 миллионов экземпляров. С пуском комбината на полную мощность потребности населения в этом виде печатной про-

дукции будут удовлетворены полностью.

Центросоюз увеличит поставки календарей для обеспечения ими сельского населения.

МАГАЗИН НА ЗАМКЕ

«Дорогая редакция! У нас уже пять месяцев не работает магазин,— написали жители деревни Павловка Иркутской области.— И автолавка не приезжает. Приходится ходить за продуктами за двенадцать километров...»

На запрос «Крестьянки» заместитель председателя Тулунского райпотребсоюза Иркутской области А. Дудченко сообщает: «Письмо обсуждено на собрании колхозников. Председателю правления Гуранского сельпо К. М. Дунцову объявлен строгий выговор. За 1986 год он полностью лишен премиальной доплаты. Продавец автомагазина А. Т. Горюнов строго предупрежден. В настоящее время в магазине деревни Павловка отремонтированы водяное отопление, торговый зал и подсобное помещение, приведено в порядок торговое оборудование. В достаточном ассортименте завезены продовольственные и промышленные товары».

ЖИЛИЩНЫЕ МЫТАРСТВА

В редакцию поступило письмо жительницы г. Россошь Воронежской области Н. Т. Голевой о нарушении жилищного законодательства в тресте «Придонхимстрой». Редакция направила его в Воронежскую областную прокуратуру.

Получен ответ за подписью первого заместителя прокурора области В. А. Митько. Действительно, в тресте не было должного учета постановления на очередь нуждающихся в жилье, заявления об улучшении жилищных условий жилищно-бытовой комиссией не проверялись. Установлены случаи незаконного предоставления квартир. С нарушением жилищного законодательства ставили на очередь для получения жилья даже лиц, отбывающих на стройках народного хозяйства наказание за совершенные преступления.

За нарушения жилищного законодательства управляющий трестом В. В. Горбунов и его заместитель по кадрам В. Г. Дегальцев привлечены к дисциплинарной ответственности, а председатель объединенного профсоюзного комитета Г. М. Варакин досрочно отозван с этого поста.

Прокуратура внесла управляющему трестом «Придонхимстрой» В. В. Горбунову представление; потребовал устранить допущенные нарушения, привлечь к ответственности виновных лиц и снять с очереди всех, кто поставлен в нее незаконно.

— Вот вы где! Здравствуйтесь. Привез вам кур и продовольствие по решению правления колхоза. Вот документы, распишитесь.

Емельян Ермолаевич положил на стол бумаги и вынул из-за уха химический карандаш.

— Все это премия вашему мужу за хорошую работу в колхозе. Запоздалая, правда. К сожалению. Вот в этом месте распишитесь.

Галина Максимовна чуточку подалась вперед к столу, но почему-то вдруг обмякла.

— Ну, ладно,— сказал кладовщик, понимающе кивнув головой.— Я пока пойду разгружать телегу.

Через несколько минут он вернулся и взглянул на документы.

— Вот и правильно, и нечего мучить себя,— сказал Емельян Ермолаевич, разглядывая корявую подпись Галины Максимовны. Он полез во внутренний карман и вынул сложенный вчетверо лист.— Это выписка из протокола. Остается вам. По ней будете получать молоко на ферме до конца года. Сегодня уже можно получить. Кого-нибудь из дочерей пошлите. Кур пока не выпускайте из ограды. Пусть привыкнут. Корму я им привез—хватит на год. Мясо на столе в сенях. Я разрубил его на куски, сразу положите в холодильник. Ну и вроде, кажется, все,— сказал кладовщик, заталкивая документы в карман.— До свидания.

— До свидания. Спасибо за все,— сказала Галина Максимовна, поднимаясь со стула.

— Кушайте на здоровье, поправляйтесь,— ответил Емельян Ермолаевич.— О воротах не беспокойтесь, я закрою. Выведу лошадь и закрою.

Прошло немало времени с того вечера, всколыхнувшего село, и подоспели новые события, которые касались уже лично Галины Максимовны.

Началось все с загадки...

(Окончание в следующем номере.)

Рис. С. СИТНИКОВА.

Вечер
в домашнем
кругу

СЕМЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИЗ "ПИСЕМ О ДОБРОМ И П...

...В сентябре 1978 года я был на Бородинском поле вместе с замечательнейшим энтузиастом своего дела — реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Обращали ли вы внимание на то, какие преданные своему делу люди встречаются именно среди реставраторов и музейных работников? Они лелеют вещи, и вещи платят им за это любовью. Вещи, памятники дарят своим хранителям любовь к себе, привязанность, благородную преданность культуре, а затем вкус и понимание искусства, понимание прошлого, проникновенное влечение к людям, их создавшим. Настоящая любовь к людям, к памятникам ли никогда не остается без ответа. Потому-то люди находят друг друга, а ухоженная людьми земля находит любящих ее людей и сама отвечает им тем же...

Я ненавижу войну, я перенес ленинградскую блокаду, нацистские обстрелы мирных жителей из теплых укрытий в позициях на Дудергофских высотах, я был очевидцем героизма, с каким защищали советские люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу. Может быть, поэтому Бородинская битва, всегда поражавшая меня своей нравственной силой, обрела для меня новый смысл.

Под конец солдаты обеих армий сражались в полной тьме, на ощупь. Нравственная сила русских была удесятерена необходимостью защитить Москву. И мы с Николаем Ивановичем обнажили головы перед памятниками героям, воздвигнутыми на Бородинском поле благодарными потомками...

В юности я приехал впервые в Москву, и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке (1696—1699 гг.). Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. Не было «архитектурных масс». Ее легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. Ее нельзя себе представить по сохранившимся фотографиям и рисункам, ее надо было видеть в окружении низких обыденных зданий. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда. По инициативе А. В. Луначарского соседний с ней переулок был назван по фамилии ее строителя, крепостного крестьянина, — Потоповским. Теперь на этом месте пустырь...

Кто же эти люди, уничтожающие живое прошлое — прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает? Иногда это сами архитекторы — из тех, которым очень хочется поставить свое «творение» на выигрышном месте и лень подумать о другом. Иногда же это совсем случайные люди, а в этом уже виноваты мы все. Мы должны подумать о том,

чтобы подобное не повторилось. Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто, и через двести лет...

Надо хранить наше прошлое, оно имеет самое действенное воспитательное значение. Оно воспитывает чувство ответственности перед Родиной. Вот что мне рассказывал петрозаводский архитектор В. П. Орфинский, автор многих книг по народной архитектуре Карелии. 25 мая 1971 года в Медвежьегорском районе сгорела уникальная часовня начала XVII века в деревне Пелкула — памятник архитектуры государственного значения. И никто даже не стал выяснять обстоятельств дела...

Не так давно упал шатер Рождественской церкви XVIII века в селе Бестужево Устьянского района Архангельской области — ценнейший памятник шатрового зодчества, последний элемент ансамбля, очень точно поставленного в излучине реки Устья. Причина — полнейшая беззазорность.

А вот небольшой факт по Белоруссии. В селе Достоево, откуда происходили предки Достоевского, была небольшая церковь XVIII века. Она не стояла на государственной охране, но она была очень типичной для белорусской сельской архитектуры XVIII века. Архитектор Т. В. Габрус с другими специалистами делала обмеры этой церкви. Как только архитекторы уехали, местные власти, чтобы избавиться от ответственности, боясь, что памятник поставят на учет охраняемых, приказали снести церковь бульдозерами. От нее остались только обмеры и фотографии. Произошло это в 1976 году.

Таких фактов можно было бы собрать множество. Что же делать, чтобы они не повторялись? Прежде всего о них не следует забывать, делать вид, что их не было. Недостаточно и запрещений, инструкций и досок с указанием «Охраняется государством». Надо, чтобы факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукоснительно разбирались в судах и виновных строго наказывали. Но и этого мало. Совершенно необходимо уже в средней школе изучать краеведение, заниматься в кружках по истории и природе своего края. Именно молодежные организации должны в первую очередь брать шефство над историей своего края. И, наконец, самое главное — в программах по преподаванию истории в средней школе необходимо предусмотреть уроки по местной истории.

Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное: это и любовь к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей. Вот почему преподавание истории в школе должно быть конкретным — на памятниках истории, культуры,

«КРАСНОМ»

революционного прошлого своей местности.

К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость. А для всего этого необходимо развивать науку культурной экологии. Не только природная среда, но и культурная среда, среда памятников культуры и ее воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному изучению.

Не будет корней в родной местности, в родной стране — будет много людей, похожих на степное растение перекаченного поля...

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что на земле, уже служившее людям... На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые...

Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на основе его решать местные экологические проблемы. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции краеведение переживало бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах...

Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми — именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

ТОЛСТОЙ

1817—1875

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю.
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне.

молода ль жена

Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения.
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал:
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

1851

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты:

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид.
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь.

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо.
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!

1858

Темнота и туман застилают мне путь,
Ночь на землю всё гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!
Как достичь до нее — не ищи.

не гадай,

Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье

в тот край,

Но удача принести тебя может!
Я не ждал, не гадал, в темноте

поскакал

В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздal, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги...

1870

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;
Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;
То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый.—
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

1871

Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

РЕЦЕПТ ДЛЯ П

«В нашей стране вырабатывается более 300 видов различных консервов, половина из которых — овощные или овощные в сочетании с другими пищевыми продуктами».

П. В. Бекетов. Снижение потерь картофеля и овощей при уборке и хранении. М.: Россельхозиздат, 1986.

Был я сыт, да и время вовсе не обеденное, но со мной категорически отказались разговаривать без накрытого стола. Женщины в белых халатах быстро и привычно расставили блюда и, не садясь, откровенно выжидающе посмотрели на гостей. Пришлось взяться за вилки и ножи. Сладчайшие яблоки в сиропе соседствовали с маринованными огурцами и помидорами, а квашеную капусту приходилось запивать то томатным соком, то алычовым компотом. Но все было удивительно вкусно.

То, что фамилию Дмитрия Всеволодовича Архангельского, председателя колхоза «Ленинцы» в Кабардино-Балкарии, знает каждый, по крайней мере имеющий хоть какое-то отношение к сельскому хозяйству, — не странно. Тому причиной не только незаурядная личность, но объемы продукции мощного, богатого, многоотраслевого колхоза. Может показаться удивительным, что почти так же известна и фамилия Татьяны Александровны Терновой, руководителя небольшого и далеко не первостепенной важности подразделения этого самого колхоза. Однако, прежде чем задаваться какими бы то ни было вопросами и тем более отвечать на них, сначала скажем несколько слов и о самой Терновой, и о руководимом ею цехе.

Татьяна Александровна приехала в колхоз после десятилетки, при ней все это консервное дело начиналось с клубничного варенья и вишневого компота. Закончила в Краснодаре специальные курсы, затем в Нальчике — сельхозтехникум, в Орджоникидзе — институт и все это время с цехом не расставалась, хотя диплом получила агронома, а не технолога-пищевика. Это мы, кстати, пока запомним.

— Тогда по Кабарде было 6 цехов типа нашего, или, как мы их называли, «заводиков». Теперь только мы остались, остальные, видать, возиться не захотелось.

Действительно, «возни» и сложности и у колхоза, и у Терновой с новым делом достаточно. Уже при строительстве оборудования устанавливали бывшее в употреблении, да и то доставшееся с трудом. И до сих пор эта проблема из основных. Не хватает банок, особенно небольших. Постоянные сложности с деревянной тарой, которую здесь сколачивают самостоятельно. Не говорю уж о массе других сложностей — от запчастей до строительных материалов. Короче, картина весьма далека от идеала, и цех трудно представить примером современного передового производства. И все же коллектив цеха, в основном женский, 35 человек, продолжает выпускать в год в среднем

по миллиону условных банок консервов, обрабатывая примерно 100 тонн плодов и 300 тонн овощей за сезон. При этом пользуется известностью и отличной репутацией. На недавнем заседании правления принято решение о реконструкции цеха, так что он смотрит в будущее с обоснованными надеждами. Тут же параллельно следует задаться и вопросом о мере необходимости всех этих хлопот для колхоза «Ленинцы». Ведь названные цифры годовой переработки — это всего лишь соответственно примерно 1/20 и 1/5 часть производства плодов и овощей хозяйством, и хозяйством неспециализированным. К тому же после разрешения колхозам продавать значительный процент урожая на рынках торговли именно свежим товаром становится особенно выгодной, а цех, оговорим это сразу, большой прибыли не дает. В чем же тогда дело и не более ли правы те председатели, что за последние годы отказались от лишних хлопот? Ответов на все недоумения будет несколько, но главный из них выражается одним словом — КАЧЕСТВО.

Секретарь Майского РК КПСС Татьяна Петровна Колесникова, с которой мы вместе дегустировали изделия цеха, жалеет, что продукции «Ленинцев» на прилавках ни своего района, ни Нальчика почти не встретишь. Слышал я жалобы и от представителей соседних с Майским райпо, которым, по их словам, «совсем воли в «Ленинцах» не дают». А им продукции цеха очень хочется. Так что же, не хватает овощных консервов? В том-то и дело, что вроде бы хватает. Только остальные не так вкусны! Далее опустим суждения, хотя и очень лестные, самих колхозников, они могут быть пристрастны, не будем останавливаться на моем собственном (уже говорил, что очень понравилось) и приведем наиболее осторожное из всех высказывание человека, старавшегося быть предельно объективным и никого не обидеть. — заведующего отделом по переработке плодов и овощей республиканского агропрома З. Ф. Магомедова: «Производство колхозного цеха, конечно, уж никак не уступает по качеству продукции лучших наших заводов, а, честно говоря, часто отличается и в лучшую сторону».

Итак, прежде всего качество. И вот за это качество колхоз хочет иметь соответствующее вознаграждение. Поскольку в денежном выражении получить его не удается, так как консервы приходится продавать по общим ценам, то найден другой путь. У хозяйства заключены прямые договоры с организациями Алтая, Урала, Вологодской области, которые тоже хотят то, что повкуснее. И за это готовы поделиться дефицитными пиломатериалами, металлоконструкциями, то есть тем, что крайне необходимо колхозу, желающему строиться, имеющему для того собственные средства, но часто стесненному в материалах. И в этой ситуации продукция консервного цеха не просто 35 тысяч годовой прибыли,

а на четверть миллиона в год товара, которого колхозу другим путем достать или чрезвычайно трудно, или вовсе невозможно ни за какие деньги.

Однако есть и еще причины. Собственный цех дает колхозу большую мобильность в ситуациях, которые предвидеть трудно. Например, недавно был год удивительного урожая яблок. Реализовывать их в любом виде стало трудно, хранилища переполнены, крупные консервные заводы с переработкой не справлялись. А в «Ленинцах» быстро сориентировались и, наготовив впрок знаменитых здесь «яблок в сиропе», с положением справились и выгоду свою соблюли.

Цех помогает иметь «свободу маневра» и еще в одном очень важном вопросе — кадровом. Работа здесь ведется обычно не больше 8 месяцев — с июня по январь. Остальное время специалисты занимаются ремонтом оборудования, профилактикой, строительными делами, а большая часть коллектива помогает другим бригадам в животноводстве и растениеводстве. Но когда в цехе наступают самые напряженные времена, тут уже на помощь приходят к ним, и приходят не городские «привлеченные», а те, кто этот урожай вырастил и потому кровно заинтересован в его дальнейшей судьбе.

И еще об одном нельзя не упомянуть. Свой, колхозный общепит пользуется, естественно, продукцией цеха. И колхозники очень положительно относятся к тому, что, например, в их столовой консервированные помидоры самые вкусные.

Но в чем все же причина этой разницы в качестве между продукцией колхозного цеха и расположенного не так далеко крупнейшего в республике Нарткалинского завода, выпускающего 35 миллионов условных банок в год? Ведь как будто и урожай с одной земли собирается, и технология одинаковая, а уж оборудование на заводе просто лучше, да и работников со специальным образованием там больше. Скажу сразу, что совершенно полного ответа дать не смогу, но некоторые соображения имеются. Действительно, в этих делах еще очень много личного, несмотря на всю механизацию и автоматизацию, а уж особенно, когда та и другая весьма далеки от идеала. Сама Т. А. Терновая, несмотря на пристрастие к продукции цеха, для себя те же, например, огурчики консервирует дома. И ее домашние опять-таки вкуснее колхозных. Почему?

— Тут есть и объективные причины. Дома я готовлю на сравнительно небольшой и для каждой банки мне известный срок хранения. Потому и стерилизовать могу меньше времени, положенного по технологии, огурец получается крепче, ядренее. Потому же и уксуса меньше могу налить, чем требует ГОСТ, но это уже дело вкуса, он бывает и противоположный, хотя не очень полезный для желудка. Отобрать идеально одинаковых по размеру несколько десятков огурцов — это тоже

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

проще, чем несколько десятков тонн.

— Так что же, нет шансов довести качество продукции вашего цеха до домашнего или, скажем, рыночного уровня?

— Если честно говорить, то настоящего домашнего качества мы в ближайшем будущем полностью в цехе достичь не сможем. А вот очень близко к этому уровню подойти — вполне. По крайней мере ближе многих. А некоторые компоты и соки и сейчас делаем не хуже, чем дома.

Да, наверное, и объем производства имеет значение. Есть разница между десятком банок, что заготавливает Татьяна Александровна для себя, и миллионом, что выпускает цех. Но есть разница между этим одним миллионом и 35 — Нарткалинского завода. Возвращаясь же к вопросу, не очень поддающимся анализу, следует дополнить картину еще одним штрихом. Здесь работают те, кому нравится это исконно женское дело — так приготовить, чтобы было вкуснее, чем у других. Поверьте, тут не журналистский прием и желание приукрасить: само за себя говорит то, что хотя зарработки в цехе ниже, чем во многих других подразделениях, а труд не легче, отсюда не уходят и с кадрами, в том числе и с молодыми, никаких проблем нет.

Последним приведу мнение специалиста-пищевика З. Ф. Магомедова: «Колхоз для своего цеха сырье может использовать отборное, не травмируемое при дополнительных перевозках и промежуточном хранении. Вот отсюда и качество».

Но качество качеством, а все же может возникнуть резонный вопрос: не слишком ли мы много уделяем внимания пусть и очень хорошей продукции, да всего лишь одного небольшого колхозного цеха? И пусть он помогает хозяйству решать какие-то собственные проблемы. А насколько сей опыт может иметь значение для республики, для всех?

Кабардино-Балкария (только агропром, без потребсоюза) производит на своих консервных заводах и в совхозах-заводах 140 миллионов условных банок в год на сумму более 40 миллионов рублей, обрабатывая около 30 тысяч тонн овощей и 40 тысяч тонн плодов. При этом производительность труда значительно выше, чем в колхозном цехе. Так может быть, и стоит направить все силы на улучшение качества продукции именно крупных производителей? Да, бесспорно, это необходимо. И, кстати, агропром тут не бездействует. Сейчас устанавливают новые автоматизированные линии для выпуска зеленого горошка, огурцов, кабачковой икры, линии современные, с высокой производительностью. Например, огуречная линия Баксанского завода будет давать 6 тонн продукции в час. Все это замечательно, и мы, конечно же, ни в коей мере не можем предлагать заменить заводы колхозными цехами. Тут дело не в противопоставлении одного другому, а в общем решении единой задачи. Ведь нас, покупателей, интересуют в конце

концов не абстрактные цифры, а конкретная возможность пойти в магазин и купить то, что нам хочется, и того качества, что нам хочется. Но если же мы заглянем в фирменный магазин «Спутник», то у нас не разбегутся глаза от обилия переработанных плодов и овощей. Меньше десятка наименований, включая сюда и соки в пользующихся наименьшим спросом 3-литровых банках. В прочих магазинах районных центров и столицы республики ассортимент может быть чуть богаче или чуть беднее, но одна общая черта — отделы овощных консервов самые безлюдные в любом торговом зале. Я слышал, что это следствие национальных особенностей республики — здесь женщины сами заготавливают консервы на свою семью. В этом есть некоторый резон, но только некоторый. Во-первых, даже в самых приверженных традициям сельских местностях действительно вкусные, качественные и редкие консервы раскупаются моментально. Во-вторых, Приэльбрусье — один из известнейших туристских и курортных центров, только в Нальчике и только в санаториях, пансионатах и домах отдыха ежегодно бывает более 100 тысяч приезжих. И наконец, отличный показатель спроса — это рынки. На них в рядах, торгующих соевым, моченым да маринованным, цены, как везде, высочайшие, и при этом наплыв покупателей постоянный. И, кстати, на тех же рынках торгуют самыми обычными домашними консервами в закатанных стеклянных банках, то есть обычных по виду, но не по содержанию. Скажем, баклажанная икра. Как раз в это время Нальчик был завален такой же импортной, но ее не брали, а на рынке расхватавали, хотя и в 3—4 раза дороже.

Но вернемся к колхозным цехам: каковы их возможная роль и перспективы в обрисованной ситуации?

Качество. Быстрее и реальнее приблизить его к домашнему, при этом по гораздо более доступным, чем на рынке, ценам, имеет возможность именно колхозный цех.

Ассортимент. Упомянутые в начале статьи 300 видов овощных консервов для покупателя существуют чисто теоретически. Крупным заводам с мощными линиями, специализированными на определенный вид продукции, сложнее, чем цеху, варьировать номенклатуру. Есть и другие технологические сложности. Мнение агропрома: выпуск ряда дефицитных и требующих повышенной трудоемкости консервов типа орехового или малинового варенья в колхозных цехах наладить было бы проще. А также выпускать новые, неосвоенные виды.

Тут, кстати, одно отступление. Пару лет назад в «Ленинцах» стали было выпускать такой новый вид — свеклу с луком, жареную на собственном колхозном подсолнечном масле. Представители — и Госторгинспекция, и санэпидстанции —istorжали, хвалили, но разрешения на выпуск консервов цех так и не получил, продук-

ция никаким ГОСТом не предусмотрена. Тут напомним, что сама Т. А. Терновая не технолог-пищевик, более того, до сих пор почти ни в одном РАПО республики нет специалиста по переработке плодов и овощей. А ему было бы гораздо сподручнее «пробовать» новую продукцию. Таким образом, тут направление работы для агропрома очевидное и перспективы колхозных цехов явные.

Рентабельность. У продукции цеха еще слишком велика себестоимость из-за высокой доли ручного труда и устаревшего оборудования. Тут два пути. Во-первых, мне кажется, вполне возможно разрешить колхозу хотя бы немного повысить цену на товар по сравнению с заводским, компенсируя разницу в качестве (если, естественно, такая разница будет, впрочем, если ее не окажется, спрос на это автоматически среагирует), ведь несколько копеек на банке для потребителя не станут чувствительны. Это все равно не сравнимо с рыночными ценами, а колхозу даст значительный дополнительный стимул. И во-вторых, цехам необходимо современное оборудование, причем принципиально отличное от заводского по масштабам, 6 тонн в час колхозу не нужны. «Мы в состоянии обеспечить цеха отечественным оборудованием, полностью пригодным для их нужд», — утверждает З. Ф. Магомедов. Значит, и здесь больших проблем нет, надо только обеспечить. И себестоимость упадет, и прибыль сразу резко повысится. С оборудованием же связан и следующий вопрос —

Производительность и объемы выпускаемой продукции. «На тех же площадях и с тем же количеством рабочих мы без снижения качества можем на хорошем оборудовании выпускать минимум вдвое больше консервов», — уверена Т. А. Терновая. А вдвое, это уже 2 миллиона условных банок в год, то есть, помножив на когда-то бывшие «заводики», 12 миллионов. А хозяйств, способных на подобное производство, в Кабардино-Балкарии гораздо больше, и речь уже может идти об очень серьезной добавке к нашему столу.

Пока же ситуация такова: «Мы у колхозных цехов видим реальную перспективу, и будем ими заниматься, и готовы им всячески помочь, если, конечно, они в этом будут заинтересованы», — говорит агропром.

«Слишком много возни, но мало отдачи и конкретной помощи», — говорят колхозные председатели (кроме Д. В. Архангельского).

«Товар вроде и есть, только обычно не тот, что спросом пользуется», — говорит торговец.

«Попробуй у меня, дорогой!» — говорят на рынке.

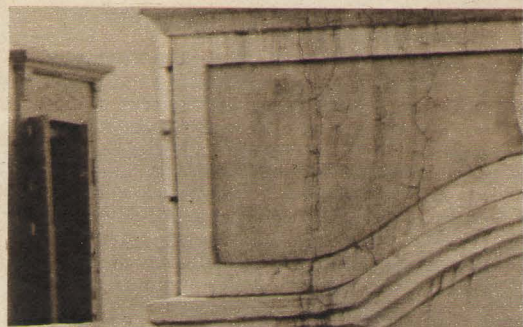
«Вкусного хочется. Триста видов. Как обещано», — говорим мы.

Александр ВАСИЛЬЕВ

Кабардино-Балкарская АССР.

Детели гуси-лебеди через сад

Как послала меня мать
Зелено жито жать,
А я жито не жала,
Все Никиту поджидала...

И обмерла Полина Савельевна Криволапова: голос свой узнала. Голосом этим говорились смелые и хвастливые слова. О муже они были, который в клуб не пускает, а она все равно идет. Муж сидел тут же, на табуретке, слушал. Передача кончилась, заиграли веселую музыку.

«Степ,— робко начала Полина,— ты слышал, я ведь честно сказала?» Муж не отвечал, то ли обомлел от счастья — жена по радио говорит, то ли рассердился... «А как поете, не признала?» — спросил он погоды. «Не, Степ,— сказала Полина.— Вот чудеса, наши песни труновские поют, а нас нету... Так это мы пели?»

Весной на горке расцветают рыжие горлицы. Труновские ребятишки вихрем летят на гору, ходят среди цветов, но не рвут. Горки в степи голые, на одной лишь каким-то чудом растет деревце, устоявшее под зимними ветрами. Но только одно на всю округу. Сколько ни сажали труновцы деревьев за селом, не приживаются — степь. Местный художник рисует ее акварелью — как еще скажешь о прозрачности здешних далей? Уцепится взгляд за домик с палисадником, за перковь, за косогор, а справа и слева и позади — все равно степь. Лаптей здесь сроду не плели (откуда лыка взять?), плели поршни из кожи. Мягкие и уютные, вместе с вышитой замашной рубахой, полупелюшечной кофтой и овечьим тулупчиком лежат они теперь под стеклом в труновском музее. Так одевались еще недавно.

Окна музея выходят в парк. Кто-то умный и заботливый заложил его много лет назад, в защищенном от ветров месте. И теперь степные жители гуляют вечерами под большими деревьями. По суббо-

Хор по имени «Крестьянка»

Мария Ильинична Педашенко (на левом верхнем снимке) всегда такая серьезная — она ведь имеет дело с историей. Но старинные песни, которые поют в Труновском, Мария Ильинична склонна отнести к явлениям нынешней жизни. Поют их женщины из хора «Крестьянка», а знает и любит все село.

там и воскресеньям, разгоряченные дискотекой, в парк выбегают парни и девчонки. Отплясывают на своей дискотеке так, что старики за них боятся, как бы головы не поотрывались. А пока дискотека «Квазар» сверкает и гремит цветомузыкой, с другого входа, буднично одетые, в клуб заходят женщины. У них никакой «техники», ни кнопок, ни проводов, ни колонок, даже гармошки и той нет — одни голоса.

Встают труновские женщины рядком, юбки пощипывают от смущения, потому что сколько ни выступи при народе, все страшно. Может быть, и песня их, старинная, русская, больше не для эстрады годится, а для жизни, и смущаются они петь со сцены в ярких, шитых блестками платьях.

Половина сада цветет,

половина вянет...

Начинает одна или двое, потом переключаются — даром, что ли, вместе тут стоим? — и грянут хором.

Тяжко, важно мне на свете,

как вечер настанет...

Вздыхают: «Марии Александровны нет, без нее что ж за песни?..» Восьмидесятидвухлетняя Мария Александровна Гаврилова лежала в Ставрополе, в больнице. Про нее говорили: «Вот это голос — как запоет, стены дрожат. Куда там дискотека, перепевает!» Однако и без Марии Александровны пели хорошо. Каждый из голосов в хоре был голос — в любой момент его можно было отыскать, признать, заслушаться им одним. И не то чтобы очень громко пели, но так ошеломляюще искренне, что, казалось, стены старенького клуба и впрямь дрожат, не выдерживают.

Как послала меня мать

Зелено жито жать,

А я жито не жала,

Все Никиту поджидала...

Стоят рядком, переглядываются, пошмеиваются: мол, какой нам Никита, посмотрите на нас... А песня взлетает весело, молодо, высоко, возвращается в те времена, когда обедали труновские девчонки в поле горстью льняных семечек, когда поджидали своих дружков в степи за околицей. И прожитое не кажется ушедшим навечно, в степенных женщинах угадываются босоногие девчонки, нежные девушки, молодые матери. Так они поют!

Десять лет назад фольклорного коллектива в Труновке не было. Когда Любовь Ивановна Гражданкина приехала сюда руководить клубом, пусто было в клубе. А село пело само по себе. По праздникам, по вечерам, по домам, по углам. Знали, какой край села лучше поет, чей голос на свадьбе слышнее. И пошла Любовь Ивановна собирать голоса. Начала с песенного края — с Рыженки, Пшеничной, Завгородней. «Сколько песен помните?» «Десять будет». «А больше будет?» «И больше будет». «Сотню знаете?» «Может, и знаю, кто их считал...» Женщины откликались на предло-

жение пойти в хор охотно. Жизнь позволяла: наработались за свой век, детей вырастили, хозяйство налаженное, мужья особенно не перечат. Иные, правда, давно уж мужей схоронили, жили в одиночку, тем охотней шли в клуб. Обследовав один край села, двинулись, уже вместе, по другим домам. Словом, собрали народ.

Но с чего начать? А с чего женская жизнь начинается? Со свадьбы. Так и решили — сыграть настоящую старинную свадьбу.

...Жених протягивал невесте край шелкового платка и уводил ее из родительского дома в свой. Навеки. Родные и подруги пели «Летели гуси-лебеди через сад», самую, наверное, красивую из всех свадебных песен. До венчания жених не смел взять невесту за руку, так и шли, держась за шелковый платочек, под пение и вздохи...

У участницы хора Любови Степановны Будавиной бабушку просватали за слепого. Не знала та до свадьбы своего жениха, а как повенчали, обратного пути не было. Так и прожила всю жизнь со слепым, и ладно жили. Одним выпадало счастье, другим нет, о чем много песен сложено: про злую свекровь, про чужой дом. На счастье ли, на горе провожали невесту, а замуж идти надо. Про то знала свадьба, и все обряды ее, все песни в самую суть смотрят — и девичьей души, и женской судьбы...

Все вспомнили про деревенскую свадьбу. Как дразнили родственников жениха: «Голье коленицы, просят полотенцы, залатать коленицы». Такие бедные, что «в печь заглядывают, борщу ожидают». А невесту нахваливали, богатства ее расписывали: «Шубки-нарядки — поломались грядки, шелковые платочки — поломались замочки, шелковые рушничочки — поломались крючочки». Вот сколько добра было у невесты, а если и не было, все равно хвалили приданое...

С этого начался фольклорный ансамбль «Крестьянка». Имя ему придумали позже, когда занялись музеем. Увидела как-то Любовь Ивановна, чем завален у Марии Александровны Гавриловой чердак, и ахнула: целый музей старинных вещей! Деревянные подносы, кубышки из тыквы, веретено, прялка, рубель. «А что, — подумала, — собрать по чердакам да по домам эту старину, отмыть, отчистить и людям показать». Говорок у нее, полжизни прожившей в городе, к тому времени стал совсем деревенский. Дочка все корила: говори нормально! Но Любовь Ивановна не обижалась, радовалась даже: как петь ей с ее хором крестьянские песни, если выговор городской?.. Но, как человек со стороны, сумела разглядеть дорогое в том, что для местных цены не имело.

Директору труновского сельского музея на общественных началах Марии Ильиничне Педашенко идея очень понравилась. Женщинам тоже. «Раз песни у нас крестьянские, пусть все крестьян-

ское у нас сохраняется». И понесли вещи в музей.

Стоят там в особой комнате ночвы, в которых на ночь замешивали хлеб, висят старинные фотографии, качается посередине деревянная люлька, лежит стопой домотканое белье. Загорелись и дети. Отклеивали от тяжелых сундуков ассигнации двухсотлетней давности с таинственными водяными знаками, отыскивали на чердаках балатайки и вышедшую из употребления утварь... Целую горницу нанесли. Потом Мария Ильинична приводела сюда девяностолетних старух, чтобы посмотрели, что не так стоит или не там висит. Старухи горницу похвалили: «Дюже похоже».

Я спрашивала у них: «Зачем сохранять все старинное?» Одни сказали: «Жалко». Другие сказали: не о чем жалеть, нечего за старое цепляться, но оставить память надо: «Это же все наше, крестьянское!»

И алые платья с блестками для вышпуненных они поменяли на скромный деревенский наряд — замашную рубаху, пеструю юбку, белый фартук с вышивкой. Кое-кто из односельчан посмеивался: «Неужто так и на сцену выйдете, в рубахах?» И в самом хоре мнения разделились: одним хотелось выглядеть понаряднее, поярче, другие отстаивали кровную, крестьянскую одежду — и победили.

А Нина Ивановна Уварова сама еще в домотканой рубахе бегала. Сколько лет назад это было? С детства под балалаечку пела, в двенадцать лет взяла в руки гитару.

— Тогда такого не было, чтобы о тишине заботиться, на покой внимания не обращали. Выйдешь из дома, по струнам ударишь и идешь по селу с песней.

Старинные песни длинные. Нине как раз одной песни хватало из конца в конец села пройти.

А Александра Васильевна Лотарева вспоминает, что без песен возница в поле не вез. «Лошадь не везет, — говорил, — пойте громче».

Чего-чего, а петь было не стыдно. Они и сами не заметили, как времена переменялись и затихло село. Попряталась музыка в магнитофоны, в телевизоры, в радио, трудно теперь вообразить, что можно идти по деревенской улице одной и петь во все горло. Но десятилетнее существование хора «Крестьянка» не прошло даром. Нет-нет, да и услышишь молодые голоса под вечер на улице. Тихо, правда, поют, и старинных песен не подхватывают, но поют — знак добрый...

У Александры Васильевны Лотаревой восемь внуков. Юле только четыре года, а все детские песенки знает наизусть.

— Наследницей моей будет, — хвалит Александра Васильевна.

Идут они с внучкой по селу и, как

в прежние времена. поют на всю улицу: «Прилетели галки, взяли по палке, убили ворону, понесли к Мирону...» Споют одну, внучка дернет за рукав: «Давай теперь «Ай ду-ду...». Маленькая еще Юля, чуть больше бабушкиного валенка, и потому никаких предубеждений против пения на людях у нее нет.

Юлю рано брать с собой на сцену, а внуки, что постарше, и дети уже выступали с «Крестьянкой» в Ставрополе. Есть надежда, что не исчезнет народное пение в Труновском!

— Мы своим уж надоели.— вздыхают женщины.— Нас ведь как на сцену пустишь, потом не стонишь.

...Есть такая песня «Быки» — очень веселая, но длинная-предлинная, про то, как каждый из десяти братьев давал сестре в приданое быков, козлов и маленького козленочка. Ни разу еще не было, чтобы своих «Быков» хор до конца не допел. Из-за кулис окликают: хватит, мол, и так ясно, других пора на сцену пускать, а труновские женщины как в землю вросли, поют до последнего «козленочка»!

Своим односельчанам песни их, конечно, хорошо знакомы, хор воспринимается привычно, даже буднично. А в других краях их пение — диковинка. Как-то в грозу и дождь заблудился автобус с хором, приехали в село поздним вечером, думали переночевать и обратно. А люди их ждали в клубе, не расходились. Вспоминают, что пели как никогда!

Зять Нины Ивановны Уваровой шутит: «Все ездите, выступаете, еще замуж там выйдете, кто цыплят будет кормить, внуков нянчить?»

Им очень нравится выступать, хотя от страха перед сценой и зрителями никак не могут избавиться. И то ли для того, чтобы не так страшно было, то ли по доброте душевной придумали во время концерта угощать своих слушателей. Напекут дома пирогов, наварят узвару — густого компота из сухих фруктов и грузятся со всем этим добром в автобус. Девушка одна в Ставрополе их поразила: тыквенную кашу первый раз в жизни попробовала, не знала, что и бывает такая каша!..

Возвращаются они со своих гастролей, когда село уже засыпает. Въезжают на сельскую улицу всякий раз с одной песней — «Ой, донюшка, любушка...»

Так, с песней, развозят по домам своих артисток, сдают домашним с рук на руки: «Вот ваша Полиночка, вот ваша Рансочка, вот ваша Любочка...» Все целы, только голоса немного охрипли...

Т. ШОХИНА

Фото Н. КОНОНОВА.

Село Труновское,
Труновский район,
Ставропольский край.

Если любите —
все почитать...

«ОН ПРИНЕС ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО...»

Сейчас мне двадцать два. Когда мы с ним познакомились, было двадцать. Всего двадцать. Но годы, прожитые без него, мне больно и страшно вспоминать. Только сейчас я понимаю, сколько горя принесла своим родным. И ему тоже...

Уже в 17 лет меня осудили... Вернувшись домой, хотела жить, как все. Но с первых же дней начались всякие неурядицы. Как я теперь осознаю, вполне закономерные.

На работу, куда меня устроили, идти не хотелось, потому что люди смотрели на меня настороженно, с опаской. А когда однажды у одной из сотрудниц пропал кошелек, все сразу решили, что это я взяла. Нет, никто ничего не сказал, но все молча, с осуждением смотрели на меня. И это страшное молчание рвало сердце на части.

Даже жить не хотелось... Потом, слава богу, кошелек нашелся. Оказалось, сотрудница оставила его в столовой.

Я искала, но не находила выхода. Работала хорошо, в соревновании даже первые места занимала. Но все равно чувствовала себя чужой, никому не нужной. Может быть, все это и привело меня к наркотикам.

Лечение в диспансере у наркологов не помогло. Что бы со мной было,

страшно подумать, если бы не он...

В последний раз после приема наркотиков я оказалась в реанимации. Врач сказал родным, что жизнь моя на волоске. Трое суток я не приходила в сознание, а он трое суток не отходил от дверей палаты. Когда на пятый день его ко мне пустили, он принес обручальное кольцо, надел на палец и тихо сказал: «Я очень люблю тебя, я хочу, чтобы ты была счастлива». Я видела его глаза, полные слез, красные и воспаленные от бессонных ночей. Господи, как же он устал! Он молча смотрел на меня, и у меня внутри что-то переворачивалось. И я дала себе клятву: что бы ни случилось, как бы тяжело ни было — к наркотикам не вернусь.

Только он знает, как мучила меня ночами бессонница, как болело все тело, как выкручивало суставы. Я прямо выла от боли, свет был не мил. Но он был рядом — и я выстояла, я поверила в себя.

...Теперь у нас все хорошо, мы любим друг друга, я счастлива. Спасибо тебе, мой любимый, что у тебя хватило сил спасти меня!

Я обращаюсь ко всем, у кого судьба похожа на мою. Остановитесь! Остановитесь, пока не поздно. Все можно преодолеть, главное — поверить в себя. Ведь жизнь так мала и так прекрасна.

Светлана КРАВЦОВА,
Днепропетровская область.

ОТ РЕДАКЦИИ. Имя и фамилию автора письма по ее просьбе мы изменили.

«БЕДА С ЭТИМ ХАРАКТЕРОМ»

Так называлось письмо, опубликованное в № 5 нашего журнала. Тринадцатилетняя девочка жаловалась на свой «несчастный» характер. Надо бы его изменить, да не знает как. Лена просила подсказать, что делать. Первыми откликнулись сверстницы.

«ВСЕ ЛЕТО Я ПЕРЕВОСПИТЫВАЛАСЬ...»

Мне тоже 13 лет, и я тоже, к сожалению, самолюбива, зла, откровенна. Я просила девчонок одергивать меня, но из-за этого мы только ссорились. Ребята ухаживали за мной, но, узнав мой характер, разочаровались. Сейчас совсем по-другому. Хотя много еще вредного у меня осталось, но я стараюсь себя сдерживать. Ты спросишь, как я этого добилась? Мне нравился парень, а он не обращал на меня внимания. И я решила доказать ему...

Все лето я перевоспитывалась, старалась чаще быть одна, думала, читала... Когда осенью пришла в школу, все

в один голос сказали: что с тобой случилось? Ты стала гораздо лучше. С этим мальчиком мы дружим уже почти полгода... Но кто бы знал, как трудно себя перевоспитывать! Твоя тезка,

Лена Т.

«ПОГОВОРИ С МАМОЙ»

Лена К. пишет, что мама ее не понимает. Мне это кажется диким. У нас с мамой не так. Обо всем, что происходит в моей жизни, я рассказываю маме, а она всегда внимательно выслушает, успокоит, даст совет, поможет во всем разобраться... Леночка, милая, непременно поговори с мамой. Ведь это самый родной человек на свете.

Елена М.

В

М

ожет же быть такое... В счастливом гомоне чужой свадьбы Ерванд заметил девушку. Держалась она просто, без суеты помогала накрывать на стол, а в больших серьезных глазах светилось... Ему показалось, что это был свет родной земли, когда утро встает над Араратской долиной и золотой ветерок шелестит в старом винограднике, а в доме пахнет испеченным с вечера лавашем.

Свадьба Ерванда и Нарине была веселой. Породнились семьи из разных сел — их соединила любовь двух молодых людей.

Раньше солнца встает молодая Нарине. У нее уже растет дочка Мери. У нее муж Ерванд. Свекровь Сара Аветисовна и свекр Вачаган Ервандович. А еще трое молодых братьев и две сестры Ерванда. Вот такая это семья! И все в семье Сардарян работают на земле, в колхозе имени М. Азизбекова. Одна маленькая Мери ничего пока не делает. Глядит вокруг себя и радуется: вот персиковое дерево, за ним ухаживает бабушка, вот дом, кирпичи для него делал дедушка, а вот мама Нарине, она крепко держит Мери на руках и кормит ее кашей.

«Будешь нашей дочкой», — сказала свекровь, когда Нарине вошла под ее кров. Как знать, кто робел больше — женщина, умудренная прожитым, вырастившая шестерых детей, или молодая Нарине, у которой все было впереди. «Как невестка, работавшая медсестрой в городе, отнесется к нашим деревенским привычкам?» — думала одна. «Как такая уважаемая женщина примет меня в свой дом?» — думала другая. Но согласие пришло с первого дня. Это так, в сущности, просто. Ерванд любит Нарине, значит, вся семья будет любить ее. Ерванд вырос в этой семье, значит, все эти люди Нарине дороги. Из своего дома принесла она в село Ванашен уважение к старшим, привычку вставать засветло и приветливость. Она охотно берется за любое дело, и хотя не все пока получается так споро и красиво, как у старшей хозяйки дома, Нарине не корят: какие ее годы — научится!

Т. НАЛЫМОВА

Фото Е. МАТВЕЕВА.

Село Ванашен,
Араратский район,
Армянская ССР.

НЕБЕСТКАХ...

И вот они оказались в зале суда. Те, кто друг в друге души не чаял, теперь отчужденно смотрят в разные стороны, а на вопрос о причине развода отвечают заученно: «Не сошлись характерами...» За банальной фразой — страдания, неверие, изломанная жизнь. А как в семье этим характерам сойтись? Постараться понять друг друга! Но что это значит? Прежде всего то, что все мы разные, по-разному думаем, чувствуем, к разному стремимся. И темперамент, с которым мы отстаиваем свои чувства и мысли в повседневной жизни, у нас тоже разный.

Напомним четыре классических типа нервной системы.

ХОЛЕРИК. Человек боевой, пылкий, он легко раздражается, готов вспыхнуть по любому пустяку, но так же легко остывает и забывает обиду. С ним просто мириться, зла он не таит и долго не помнит. С воодушевлением хватается за новое дело, но быстро может к нему и охладеть. Перемены — его стихия.

МЕЛАНХОЛИК в отличие от холерика устойчив. Он может обладать массой достоинств, но он пессимист, привык ожидать худшего.

ФЛЕГМАТИК ровен и спокоен. На окружающих производит двойное впечатление: с одной стороны, вселяет уверенность своей устойчивостью, с другой стороны, может и раздражать.

САНГВИНИК деятелен, горяч, продуктивен, но лишь тогда, когда дело его интересует, в противном случае становится скучным, вялым.

Конечно, в жизни редко встретишь флегматика, холерика, сангвиника или меланхолика в чистом виде, люди — не черные и белые фигуры на шахматной доске. Тем не менее особенности темпераментов — факт, реально существующий. К тому же есть специфические свойства характера, присущие мужчинам и женщинам.

Испокон веков повелось, что мужчина — кормилец, добытчик, открыватель новых земель, а женщина — хранительница тепла и света в доме, воспитательница детей. Правда, наш век внес свои коррективы в традиционные роли мужчины и женщины, но это не упростило проблемы их совместности, даже наоборот. И вот разные люди, к тому же мужчина и женщина, сели в одну лодку. Им предстоит дальнейшее плавание...

Попробуем разобраться в наших характерах. Слабый пол — так называли и продолжают называть женщин. Почему «слабый», если живут они дольше мужчин и к разного рода испытаниям подготовлены лучше? Работают наравне с мужчинами в поле, на стройке, в операционной. Занимаются мужскими видами спорта. И, несмотря на это, продолжают считаться слабым полом! В чем же эта слабость? В эмоциональной ранимости женщины. Ее так легко обидеть. Муж часто недоумевает: отчего этот плач, упреки, в чем он провинился? Оказывается, забыл дату свадьбы, не обратил внимания на новое платье... Женщине не надоедает слушать, как ее любят, какая она красивая, умная, добрая. В этом тоже ее слабость.

А вот пословица «Волос долгов — ум короткий» не подтвердилась. Дотошные уче-

НЕ СЕРДИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА!

О ЖЕНСКОМ ХАРАКТЕРЕ

ные изучили наши интеллектуальные возможности и выяснили, что женщина не только не проигрывает мужчине, но часто и превосходит его... Правда, это не повод считать мужа глупым, а себя умной. Равно как и упрекать его за небольшую зарплату, называть тряпкой, каждую минуту демонстрировать свое превосходство. В семье нужно беречь достоинство друг друга.

Молодые мужья иногда удивляются: что за бесхарактерные существа женщины! Но это не бесхарактерность, это как раз та пластичность, умение ладить, которого не хватает женщинам-командиршам, без конца ставящим мужа на место. «Слабая» женщина сглаживает конфликты в семье, не стремится во что бы то ни стало настоять на своем, не превращает совместную жизнь в поле битвы. Но она же проявляет удивительную стойкость и последовательность в том, что считает принципиально важным для семьи. Размышляя о тайне, загадке женской природы, в прошлом ей даже приписывали сверхъестественные способности. А дело в том, что у женщины прекрасно развита интуиция. Это «шестое чувство» помогает ей понимать любого

члена семьи. Часто женщина бывает необъективна, ведь ей все-таки трудно избежать излишней эмоциональности в оценке людей. Но она великолепный психолог, и в семейных конфликтах домочадцы, как правило, встают на ее сторону.

Вот сколько у женщин достоинств, преимуществ и талантов. Зная их за собой и учитывая особенности характера любимого человека, легче избежать мелких, изнуряющих конфликтов, недоумений, ссор. Такой, скажем, пример. Поженились двое. Он флегматик, она холерик. До свадьбы влюбленный флегматик готов был исполнить немедленно каждую просьбу своей любимой, был оживлен, деятелен. Но кончился медовый месяц, кружившее голову счастье стало ровным, и муж, кажется, изменился. А он тот, каков на самом деле: основательный человек, ценит постоянство, в быту не выносит перемен, привык находить на своих местах сигареты, инструменты, кресло перед телевизором... А его энергичной жене спокойно не сидится, она одержима страстью все менять, переставлять мебель, покупать взамен старых новые вещи. Муж сопротивляется в силу иного темперамента, жена же принимает его сопротивление за упрямство. А он действительно страдает от бесконечных новшеств, небольшие стрессы накапливаются, взаимонепонимание может привести к серьезному конфликту. А казалось бы, какие пустяки — жене хочется передвинуть диван в другой угол...

Привычки, даже странности друг, друга необходимо уважать. Недаром говорят, что со своими людьми надо обращаться как с чужими, только лучше.

Многие мужчины жалуются, что не могут понять своих жен: то они сдержанны и холодны, то излишне эмоциональны. Да, женщины не проявляют свои чувства так ярко и бурно, как мужчины, зато чувства эти более постоянны, глубоки и палитра их несравненно богаче. Нужно отметить, что именно мужчины формируют отношение женщин к интимной жизни. Далеко не все мужья чутки и тактичны. Но мужчина-эгоист даже сам не понимает, как много он теряет, не замечая, что жена, не желая обидеть и оттолкнуть, лишь терпит близость. Нужно много истинной любви, такта и терпения, чтобы достичь гармонии и в этой очень важной сфере жизни.

Часто в супружеских отношениях не хватает обыкновенной вежливости. Какие церемонии между мужем и женой?.. Но как раз в церемонности нет ничего плохого. Ее особенно оценит женщина, любящая знаки внимания, добрые слова, праздники. Она не слишком требовательна. Ее может обрадовать простое предложение мужа сходить вместе в кино. Да-да, для нее праздник: вот идет она рядом с мужем по улице, нарядная, красивая, в приподнятом настроении... А когда у нее такое настроение — и меланхолик поймет, как ему повезло с женой!

Р. РОМАНОВА, врач.
Фото И. ЯКОВЛЕВА.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ХОРОШИЙ ВКУС?

Этот вопрос встречается в ваших письмах часто. Вопрос лаконичный, а ответа требует обстоятельного. Вот потому «Крестьянка» и открывает новую рубрику, которая станет постоянной: «Что же такое хороший вкус?»

Слышим: «Со вкусом сделана вещь», или «Со вкусом обставлена квартира», или просто: «Какой вкусный обед!» — и сразу ясно, что кто-то, знающий и умеющий, вложил в то, что делал, весь свой опыт и старание. И получилось что-то завершенное, гармоничное, неизменно радующее... А безвкусно? Тут же рисуется нечто равнодушное, неинтересное, где все не так и не впопад.

Что же такое вкус? Как сказано в словаре Даля: «Чувство изящного, красоты и приличия и угодливости для глаз».

Говоря о внешности, мы часто подменяем понятие «вкус» понятием «мода». Новая мода действительно точнее отражает современные представления о красивом, чем мода вчерашняя. Что-то изменилось в жизни, в самих людях: устали от каких-то цветов, форм, появилась потребность в других, более отвечающих духу времени. И это тотчас же выразится в моде. И все же, если вы слышите о женщине, что она «модно одета», то это вовсе не означает, что сама она привлекательна в этой одежде, а вот если «одета со вкусом», то не сомневайтесь в ее привлекательности. В этой оценке будет все, что говорит о ней самое лестное: и что одета модно, и одежда ее украшает, и в облике непременно что-то интересное, вызывающее симпатию...

А как единодушны мужчины в своих представлениях об идеале женского облика. Описывая его, обязательно добавляют: «Со вкусом». И как часто женщина, более скромно, но со вкусом одетая, превосходит ту, которая выделяется великолепным набором одежды, но в нем не чувствуется собственной способности отбирать необходимое именно для данного момента. Чутье, интеллигентность, воспитан-

ность, культура, проявленные костюмом, и привлекают, вероятно, больше всего. Элегантный костюм свидетельствует о более развитом чувстве изящного. И тут естественно предположить, что у того, кто умеет вслушиваться в язык цветов, форм, фактур, более развито и чувство деликатности и такта в отношениях с людьми.

Вкус — это не только критерий красоты. Согласитесь, точный выбор в приобретении вещей экономит наши силы, время, деньги. Я знаю семью, как говорится, с хорошим достатком. Но у хозяйки нет вкуса. Единственный ориентир для нее — последняя мода и престижность. Квартира же выглядит, как прилавок магазина, заставленный хорошинами, но будто случайно попавшими сюда вещами. В доме нет той радости, которую дает гармоничный быт. Шкаф ломится от одежды, но никто не чувствует себя хорошо одетым. Вечно строятся планы, что делать с вещами, продаются хорошие за бесценок, покупаются новые — и с тем же результатом. Муж переклеивает еще новые обои, возит в комиссионный нестарую мебель — и нет конца этой круговерти.

Но если бы дело было только в вещах! В обстановке безвкусицы вырастают дети. Вкус к красивым вещам как будто есть, а вот способность создавать гармонию не развита.

«Вкус ребенка начинает формироваться от нитки бус, в которой мать склоняется к младенцу», — утверждал один известный художник. От коврика на стене, от шторы на окне, от чашки, из которой малыш пьет...

Понесут ли взрослеющие дети в жизнь эту гармонию или же будут постоянно метаться в поисках каких-то невиданных, разорительно дорогих вещей, в стремлении

завоевать ими престиж красивого и культурного человека, во многом зависит от матери. И что будут рождать такие «наборы вещей»? Зависть и ущемленность одних, высокомерие и заносчивость других. Вкус же и культура, относясь к ценностям духовным, никого не ущемляют. Напротив, облагораживают отношения.

Почему же так много зависит от матери? Да потому, что именно женщина лучше подготовлена природой, чтобы быть эстетическим экспертом в семье. Она лучше, чем мужчина, разбирается в оттенках цветов, запоминает форму предметов, острее слышит запахи...

Можно ли вкус развить? Несомненно. Но для этого явно недостаточно узнавать, что сейчас модно, искать готовые рецепты красоты. Разговор о вкусе серьезнее и глубже. И мы будем вести его на страницах «Крестьянки» из номера в номер. О секретах цветов и форм. О связях костюма и внешности. Об образе, стиле и еще о многом и многом.

Е. ЕЛЕНИКОВА,
художник-модельер.
Рисунок автора.

Дорогие читатели!
Фотоконкурс, объявленный
«Крестьянкой»,
продолжается. Его темы:
МОИ ДОМ, МОЯ СЕМЬЯ.
ЖИЗНЬ МОЕГО СЕЛА.
КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР.
ПРАЗДНИКИ НАШИХ БУДНЕЙ.
Желаем удач и ждем
ваши снимки!

**ВНИМАНИЕ:
ФОТО-
КОНКУРС!**

**ВСЕСОЮЗНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА**

◀ А. БОЧИНИН.

Околица: место встречи изменить нельзя.

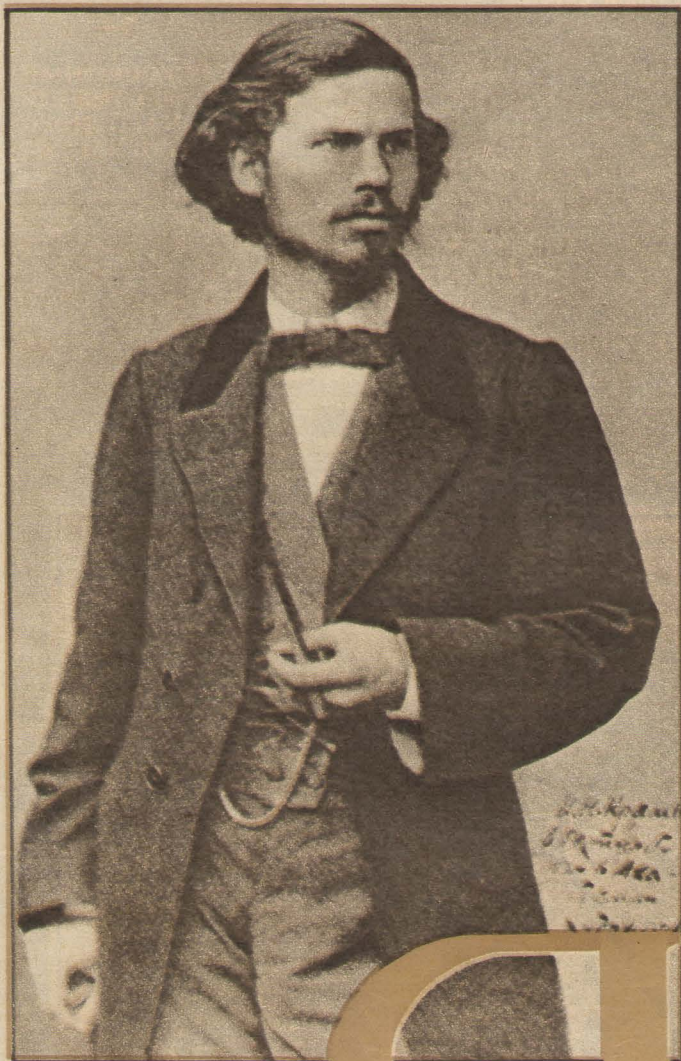
◀ С. ПОВИЛАЙТИС.

«Ты меня никогда не поймешь...»

▼ Б. МАКСИМОВ. Лето, ах, лето!

**К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА
КРАМСКОГО**

Знаменитый портретист Иван Николаевич Крамской возвращается с утренней прогулки. Ставит в угол тяжелую трость, приобретенную по совету доктора Боткина. Иван Николаевич болен, тяжело болен, и ходить должен медленно, сторожко, а в душе и в ногах нет-нет да и взбрыкнется молодая прыть, вот и надо усмирять ее тяжестью палки. Походка при ней становится степенной, сановитой, и многим кажется, что Крамской «помешался от гордости», а какая там гордость, когда невозможно письма написать от болей в правой руке, когда опускается на диван, как стеклянный, будто боится разбить в себе что-то.

К одиннадцати день крепнет, сероватый свет нехотя заливаает мастерскую; уныло, но можно работать. В одиннадцать начинается сеанс. Портретируемый, Карл Андреевич Раухфус, тоже готов. Но видит бог, как надоели Крамскому портреты!

Себя он называл «портретистом по принуждению», иногда — с горькой самоиронией — «присяжным портретистом», и не в припадке отчаяния, а по зрелому размышлению, подавляя гордость и честь, унижая человеческое свое достоинство и пытаясь спасти достоинство художника, писал другу и покровителю, собирающему картины во славу завтрашней России, Павлу Михайловичу Третьякову: «Я портретов, в сущности, никогда не любил, и если делал сносно, то только потому, что я любил и люблю человеческую физиономию... Я говорю: купите меня, пока не испортился как машинка; может быть, я даже доходная машинка. Потому что если я опять примусь за портреты, то эта теперешняя моя тоска будет уже последняя вспышка сожаления художника о неудавшейся жизни».

Но как же так получилось, что это он, Иван Николаевич Крамской, пишет о неудавшейся жизни? Его отец получал 10 рублей в месяц, а он за каждый портрет — тысячи... Мать его осталась неграмотной, он же окончил Академию художеств, сам стал академиком, учителя у детей — каких пожелают. Дом — полная чаша, знаменит, жена любимая, дети замечательные, в друзьях чуть ли не все самое славное и талантливое в России. Грозный критик Стасов — друг, великий ценитель Третьяков — друг... И ведь с чего начинал? Кто поверит? Четырехклассное училище — вся учеба, а потом отец умер, работать надо; и работает — в канцелярии переписчиком, в подмастерьях у богомаза, ретушером у бродячего фотографа. «Шестнадцати лет я покинул Острогжск и пустился в путь без всяких связей и поддержки. Двадцати лет я добрался до Петербурга; в 57-м поступил в Академию; в 63-м вышел из нее, женился и начал пробивать дорогу. Никогда, ниоткуда и ни от кого я не имел поддержки». И в пути светила ему звезда не Иоанна Богослова или Иоанна Крестителя, потому что Иваном был крещен не в их честь, а по поводу забытого блаженного Иоанна из Устюга — «такой негромкий святой».

Какие простые, обыденные, ничего не говорящие слова: «в 57-м поступил, в 63-м вышел...» А за ними — эпоха в русском искусстве, судьба за ними — не только Ивана Крамского, не только его товарищей — всей отечественной живописи. Малая золотая медаль Академии художеств уже в кармане, впереди поездка на несколько лет за границу, в благословенную Италию к подлинникам великих мастеров — все в жизни ясно, все начертано и начертано прекрасно, сытно, достойно. Надо только пойти на последнюю формальность академии: избрать нечто библейское на прощание, нечто пусть никому и не нужное, но многолетней практикой проверенное. Так заведено. Сердце твое ни при чем. Испытание проходят рука и глаз. Так в академии было и будет. А он вдруг бунтует. Не желает. А желает сам выбрать сюжет и писать его. Потому что он русский художник, а это не баловство. Это работа и отдача долга родине. Тринадцать человек присоединились к нему. Ясно, что выбросят из академии и ни Италии не будет, ни званий, ни заказов, и в России жизнь не слаще соли покажется.

Это что же, бунт, господа недоучки? Да, бунт. А как же тылы, как жить? А они уже знают, как им жить. Они объединятся в артель, товарищи, друзья, соратники, будут питаться за одним столом, работать в одной мастерской, вместе добывать заказы, пусть и самые дешевые, пусть и малярные, — вместе не погибнуть! И вот они, бедные, да просто нищие, но дерзкие, «бедово заряженные», как говорил Крамской, они, а не императорская академия, выстояли тогда. Не просто выстояли, а были счастливы, как никогда ни один из них счастлив больше не будет. Когда же артель дала им силы выжить, укрепила, позволила стать мастерами и, сделав свое дело, начала чахнуть, Иван Николаевич смело отказался от нее, разрушил свое детище, чтобы с москвичами Перовым и Мясоедовым создать дитя

**С
ЛЮБИЛ
И
ЛЮБЛЮ...**

гораздо более разумное, совершенное и необходимое — Товарищество передвижных художественных выставок, объединение, уникальнейшее в мировой истории. Артель была для себя; товарищество — для Отечества; артель — шалаш для потерпевших кораблекрушение, передвижничество — слияние путей искусства с судьбами Родины. Да будь только это, и тогда Иван Николаевич уже никогда бы не был забыт Отечеством...

Однако и за работу пора.

Карл Андреевич Раухфус — старый знакомец. Лицо его брито, строго, глаза добрые, чуть припухшие. Проходит первый час работы.

Как он выглядел, Иван Николаевич? Можно посмотреть на его автопортрет, но именно в этом жанре художники дальше всего от природы. За месяц до ухода из академии Крамской начал преподавать в школе Общества поощрения художеств, разумеется, бесплатно. Там и увидел его один из учеников и оставил нам его словесный портрет:

«Так вот он какой!.. Сейчас посмотрел и на меня; кажется, заметил. Какие глаза! Не спрячешься, даром что маленькие и сидят глубоко во впалых орбитах; серые, светятся... Какое серьезное лицо! Но голос приятный, задушевный, говорит с волнением. Ну и слушают же его! Даже работу побросали, стоят около, разинув рты; видно, что стараются запомнить каждое слово... Его приговоры и похвалы были очень вески и производили неотразимое действие на учеников. Что-то он мне скажет?!»

Учитель пригласил ученика домой. Ученик дополнил портрет: «Я заметил, что лицо его было устало и бледно, утомленные глаза вкружились». Эти же «утомленные глаза» ученик заметит и у Христа, над которым работал учитель. Крамскому не было тогда 27 лет. И на всю жизнь учитель останется Учителем.

Имя ученика — Илья Репин.

И все же, чтобы кормить семью, чтобы платить тому же детскому доктору, надо писать портреты. У детского доктора Раухфуса Карла Андреевича высокий лоб, большие залысины, довольно короткие волосы. Но главное — глаза. В них и в чуть напряженных уголках рта таится улыбка, которой он покориал детей. Не передать этой готовности к улыбке — не сделать портрета. Идет третий час работы.

Но из-за портретов приходится откладывать то, что считал главным в жизни. Три года назад вырвалось в письме: «О себе я молчу, от меня ждать уже больше нечего или, лучше сказать, ждали, ждали да и ждать перестали. Я уже сам от себя перестал ждать. Мне минуло 47 лет — и это бы еще ничего, но худо то, что у меня нет больше сил, и я старик. Я говорю о силах физических. Всю жизнь, и еще 5—6 лет назад, я все думал: вот, не сегодня завтра удивлю мир, то есть не сегодня завтра буду иметь возможность писать то, что нужно, то есть то, что хочется. Но год за годом уходит, я только и занят, как бы окупить квартиру и как бы достало на текущую жизнь. И всю жизнь так, начиная с 17 лет... Я в самое лучшее время старался себя сохранить для своего будущего и для искусства, которому служить мне все еще не удавалось. Да так всю жизнь и прождал.

Я струхнул, и вот отчего: умри я, и у семьи ничего... выходит просто и прозаично. На поверку дело такое: значит, наша российская жизнь еще не в состоянии окупить такое экзотическое растение, как художник. И ей (этой жизни) художники еще не нужны...»

Лицо Карла Андреевича знакомо до последней морщинки, потому и работа идет легко и уверенно. Нет, не потому что рука набита и глаз не изменил: просто всегда ему были интересны человеческие лица. Он писал умирающего Некрасова, и это был не только великий портрет, но и трагедия ухода, и преодоление волей трагедии; он писал Льва Толстого, когда мастер работал над «Анной Карениной», это был блистательный портрет гения, глыбы, спрессованной из ума, таланта и воли; он писал Григоревича, Шишкина, десятки, сотни других — писателей, художников, крестьян; Третьяков тщательно следил за его работой и собирал их в своей будущей Третьяковке, и наполнилась, крепла какая-то совершенно новая Россия, запечатленная навсегда: умная, часто корявая, но прочная, но неистребимо талантливая и упорная, и на этих лицах всегда притягивали к себе, приманивали глаза — Иван Николаевич не увеличивал их, не придавал им влажности и блеска, просто глаза эти жили мыслью и вопросом: что же дальше? Что-то ведь должно быть дальше?

(Окончание на стр. 35.)

▲ Незаконченный портрет К. А. Раухфуса. 1887 год.

◀ Портрет матери художника. 1859 год.

▼ Неутешное горе. 1884 год.

— **Г**оворил, летом в Баку поедем. Лето пришло. Теперь что придумаешь?
— Ничего. Как скажешь, сразу и поедем.

— Не похоже, чтоб ты хотел ехать!..
— Глупенькая! Разве может не тянуть на родину?

Вот таким образом Таир заговаривал жене зубы. А сам твердо решил: в этом году ни в коем случае; а может, и на тот год, и через год. Чего хорошего они видели, когда ездили в Баку в прошлый раз? Конечно, в его честь устраивали застолья, перевозили чуть не до небес. Но, во-первых, он прекрасно понимал, что пышные застолья эти затевают не ради его красивых глаз, что в один прекрасный день ему культурненько напомнят о гостеприимстве и придется расплачиваться. Но главное — в прошлый их приезд девяносто девять процентов родственников просто исчезли из Баку. А теперь опять: здравствуйте, я ваша тетя!..

Оля никак не могла разобраться в родственниках мужа. Он рассказывал о дядях по отцовской линии, живущих в Баку, о дядях по материнской линии, живущих в районе, но у нее в одно ухо влетало, в другое вылетало. Да и винить ее было трудно. Он так взалел расхваливал родственников, что все они получались на одно лицо — все замечательные люди. А Оля хохотала и говорила, что она их всех перепутала.

...В тот раз, приехав в Баку, Таир прямо на вокзале узнал от Лазыма, младшего брата отца, что дядя Касум с женой и со всем семейством вчера отбыл в Кисловодск. Это было потрясающее известие. Ведь всю осень, всю зиму дядя Касум, старший брат отца, писал, чтоб он непременно приезжал в Баку. И от имени жены писал, пускай, дескать, придет, хоть наглядимся на него досыта. Телефон чуть не оборвали — и все о том же.

Лазым стал тогда утешать его: Касум, мол, над собой не волен, у жены под каблучком, мы, его близкие, родня, понять должны и не обижаться. Вообще-то он парень отличный, но что делать, такая уж досталась жена.

И привел пример из собственной жизни. Ровно десять лет воевал с женой; чего, бывало, та ни скажет, он все наперекор. Нарочно перечил, чтоб место свое знала. Белое говорит, молоко, а я ей, нет, черное, и ее так заставляю говорить. Зато добился своего — живу спокойно. Так что держись, племянник, не сдавайся! Сейчас-то жена с детьми в районе. Вижу, изжарились в этой жарнице, ну и отвез к теще. А в квартире ремонт затеял.

«И чего Олю так тянет в Баку?..»
Как-то пришла с работы, усталая, измученная.

— А вот и я. Помоги-ка!
Она стояла в прихожей с двумя полными сумками.

— Чего это ты притащила?
— Не скажу!
— А чего так поздно?
— В очереди стояла. Конфет хороших купила — в Баку возьмем.

— Куда?
— Ты же сам говорил, в Баку поедем.
— Ну... пока мы соберемся, они все засохнут. Ладно, сами съедем.
— И не притрагивайся!..

Она ушла в ванную и открыла воду. Таир достал конфетку, прочитал название, развернул, положил в рот.

«И чего она потеряла в этом Баку?..»
...Такси свернуло в микрорайон, и Таир спросил у дяди Лазыма, зачем это, может, водитель дороги не знает, он же напротив центральной библиотеки живет.

— Не беспокойся, все нормально. Я тебя к Зиниет везу.

— Это кто же такая?
— О, королева!.. Королева продмагов! Да ты ее видел.

— А может, лучше к бабушке?
— К бабушке? Зачем?
— А чего мы там потеряли, у этой?.. Неудобно, чужие люди...

— Ты что!.. Радоваться будут. Гость из самой Москвы!..

Оля молча разглядывала дома, улицы...

Бабушка жила в прежней квартире Касума. Дети росли быстро, в недалеком будущем предстояло женить сына, выдавать дочку, и старая квартира очень даже понадобится. А пока Касум перевез туда бабушку и торжественно объявил ей, что отныне она хозяйка этой квартиры. По крайней мере не будут придираться: квартира не пустует. Да и вообще лучше, чтоб мать жила отдельно — меньше свары с невесткой.

Бабушка, хоть и не больно грамотна, сообразила, что поступают с ней нехорошо. Но... дай бог здоровья правительству. Оно надежней и сыновей, и дочерей. И пенсия идет, и, заболеешь, лечить будут.

Таиру рассказывали, что вскоре после вселения бабушки жена Касума явилась к ней и заколотила дверь в большую комнату; дескать, эти бесконечные мужнины родичи превратили дом в каравансарай...

...Когда они собирались в ту первую поездку, Таир твердил Оле, что и в Баку, и в районе у него полно преданных лю-

дей. Не веришь, пошли телеграмму в Баку, Таир, мол, заболел серьезно, — завтра же весь Баку примчится. И поэтому, когда Оля спросила: «Но хорошо, а у кого же мы там будем жить?», он, не задумываясь, ответил: «Чей дом первый по пути, у того и остановимся!» А теперь пожалуйте к дядиной подруге... Нет, через пару дней надо перебираться к бабушке!

...А ведь Оля тогда и в районе побывать хотела. Еле отговорился! В одной, мол, руке два арбуза не удержишь. Приехали на какие-то десять дней, а что такое десять дней для деревни? Месяца не хватит, чтоб у всех погостить! А не погостишь, такие обиды пойдут!.. Кроме того, если они приедут в район, свою свадьбу снова надо праздновать, а он терпеть не может зурну эту, балабан... И потом, назвал людей — кровь из носу, а угощай, как положено. А они на эту поездку целый год откладывали из зарплаты.

Но главное не это, главное — район у них пограничный, туда без пропуска, хоть ты сын аллаха, не пустят. А он справки нужные не взял. Столько всяких хлопот — ничего не успеваешь...

На самом-то деле он просто не мог показаться в районе. Два года тому назад отец ясно и понятно сказал ему, чтоб в селе он не появлялся: нечего людей нервировать, давление отцу поднимать. Уехал и уехал.

— И чего ты в этой Москве нашел? — говорил отец. — Чтoб на отца с матерью наплевать?.. В деревне у нас твои ровесники дворцы себе двухэтажные отгрохали! Только и слышишь — машины их гудят!..

— В городе личная машина не нужна.

— Не допрыгнула кошка до мяса, сказала — вонючее!

Таир разозлился:

— Ты с шестнадцати лет в деревне киркой машешь, где она — твоя машина? Где твой дворец? Дом, и тот еще дедушка покойный строил: поднатужиться — свалить можно!

— Я дармоедов кормил — таких, как ты! Семерых вас вырастил!

Рафиг ТАГИЕВ

Рассказ

НЕ

— Без тебя не выросли бы! С голоду померли бы, да?

Черт дернул его за язык! На этом все и было кончено. Выгнал его отец.

Из деревни придут, твердят, как сговорились:

«В горожане записался, забыл родной край! Отца с матерью навестить не хочешь!»

...У Зиниет, подруги Лазыма, их встретили приветливо. Муж ее оказался великим мастером по открыванию шампанского и страстным коллекционером винных бутылок — даже николаевских времен бутылки у него были.

И Лазым по-братски заботился о муже Зиниет: отовсюду, где можно, от друзей и знакомых тащил ему необычной формы бутылки из-под французских, шотландских, стамбульских вин.

...Тридцать лет прожить среди этих людей, а теперь вот негде остановиться. Приехать и жаться под крылом у чужих людей? Он торжественно, за десять дней телеграммой уведомил о своем приезде!.. Тьфу!.. Надо было без предупреждения, врасплох застать. Попрыгали бы тогда.

Дядя Касум, уговаривая его приехать, наверняка был уверен, что не придет. Старался выставить себя в лучшем виде. Вдруг какое дело в Москве, а у него уже и местечко готово. Москва — такой город: все лучшие товары купить можно, а если жаловаться на кого, опять же все высшие инстанции в Москве.

Так-то оно так, и все же Таир пытался найти оправдание родне. Август, самое пекло, чего же ты хочешь? Чтоб люди не отдыхали? Чтоб как пригвожденные сидели бы в этих раскаленных домах? Советь надо иметь. Если ты из Москвы, им что — на коленях перед тобой ползать? Да и что ты из себя представляешь, какая в тебе нужда? Пока холостяком ходил, еще имел какую-то ценность: может, дочку за него удастся пристроить, парни-то в наше время дефицит. А женился — все, считай, пропал.

«И с чего это Ольга-ханум так в Баку влюбилась?»

...Три дня и три ночи прожили они у Зиниет. Одно застолье сменялось дру-

**ПРИЕДИШЬ —
ОБИДИШЬ**

гим. Пьяный Лазым громко кричал, что отмечает женитьбу племянника и желает веселиться. А зачем иначе мы пришли в этот мир? Землю собой удобрять?

Муж Зиниет тряс головой в знак согласия.

...У бабушки не было даже телефона, чтоб позвонить, сказать, что приехали. Интересно, как она там живет? А я тоже хорош — внук называется! Все, с сентября из каждой полочки буду посылать ей деньги! Пусть немножко поживет в свое удовольствие: вкусенького чего-нибудь купит. В молодости не пришлось, так хоть теперь походит в кино, в театр...

Исполняя свой долг, дядя Лазым наконец отвез их к бабушке.

— Ой, какая у нас, оказывается, невестка красивая!.. Да ты, негодник, сорвал самый красивый цветок Москвы!..

Расцеловались, сели. По совету дяди Лазыма Таир сказал бабушке, что они только что приехали. Зачем обижать старуху, она нам мать. Дядя Лазым, по его словам, любил мать больше всех на свете и не позволял ей ни в чем терпеть нужды. Сам доставлял и мясо, и масло, и лук, и картошку...

Таир вспомнил, что говорили про жену Касума, и, подойдя к двери в большую комнату, толкнул ее. Не тут-то было — крепко заколочена дверь. Пока Лазым умывался, бабушка рассказала Таиру, что Касумова половина хотела даже сдать эту забитую комнату, состоятельных квартирантов нашла — такой скандал получился...

Бабушка рассказывала, и губы у нее дрожали.

— Ладно, брось, бабушка. Все это ерунда. Скажи лучше, как здоровье?

— Здоровье... Да если б в покое оставили, лучшего и желать не надо.

С помощью Оли бабушка приготовила баклажаны, причем говорили они — одна по-русски, другая по-азербайджански. Потом на стол торжественно водрузили арбуз, только он, проклятый, оказался совсем белый.

Вся бабушкина мебель поместилась на кухне. Здесь стояли две тумбочки, обитые сверху клеенкой, и крошечный холодильник — за полсотни купила, сказала бабушка. Летом, в жару никак нельзя без холодильника.

В комнате стоял прислоненный к стене допотопный стол, возле него два стула. Если к бабушке приходили гости, рассаживались на ее раскладушке.

В кухне не переставая ровным голосом бубнило радио.

Бабушка всегда была дома: ни командировок, ни отпусков.

Подошло время ложиться спать. Одну постель надо было разделить на троих.

Хозяйку уложили на раскладушку, тюфяк ей, простыня тоже ей — почет бабушке. Сами улеглись на полу, на одеяле. Легли они валетом, лечь голова к голове постеснялись.

— А мне понравилось спать на полу, — сказал утром Таир.

— И мне.

— Кстати, полезно, те, кто постоянно спит на мягком, страдают остеохондрозом.

«И чего ее так тянет в Баку?»

...Конфеты Оля хранила как зеницу ока. Она все еще надеялась, что новая поездка состоится, и, слушая прогноз погоды, всегда обращала внимание, какая она в Баку.

А как они загорели в прошлом году! Сожглись, даже зажать не могли. Таир купил средство от ожогов, они мазали друг друга, а бабушка смотрела на них и смеялась.

В Пиршагах, когда они ездили на пляж, Таир издали показал ей дачу дяди Касума. Вон то высокое дерево — шелковица, пониже — инжир. За ним дядина дача.

Они спустились к морю. Сели на песке, скрестив ноги. Таир бросал в море ракушки, стараясь услышать, как они падают в воду, но шум моря заглушал звук падения.

Подошел старик, собиравший на пляже брошенные бутылки.

— Есть вареная кукуруза!.. — произнес он, словно бы ни к кому не обращаясь. — Есть вареная айва!..

Они купили у него и кукурузы, и айвы.

— Если бы дядя Касум не уехал в Кисловодск, мы могли бы поселиться здесь. — Таир показал в сторону дачи. — Вообще-то и сейчас можно пойти...

— Давай!

Опять расхвастался! Ни за что на свете не решился бы он явиться на эту дачу в отсутствие хозяйки.

— Глупая. А бабушка как же? Пускай одна жарится там, в пекле?

— Правда, нехорошо. — сразу же согласилась Оля и откусила от початка кукурузы.

— Бабушка твоя мне понравилась... А какая у тебя мама?

— Мама лучше бабушки. А бабушка лучше мамы.

— Тогда на то лето поедем не в Баку, а в деревню.

— Ладно.

— А бабушка говорила, что из всех внуков больше всего любит тебя.

— Будто меня любит только бабушка?! А как меня дядьки любят!.. А братья! А сестры!.. Я уж не говорю про отца с матерью.

— А чего ж твой отец не приехал в Баку повидаться?

— Потому что не знает. Все примчались бы, если б знали!

— Да, я забыла: мы-то сами почему не едем в деревню?

— Пограничная зона — раз! Свадьбу затеяли бы — два! Родственники из-за нас поцапались бы — три! Хватит или еще перечислять?

«Баку! Баку! Баку! Вынь да положи ей Баку!»

— Может, ты боишься, что у нас денег мало? Хватит, я все подсчитала. — Оля протянула ему листок, исписанный цифрами.

...Так проходило лето. Он осторожно, одну за другой таскал из пакета конфеты. Оля наконец умолкла, кажется, поняла, что все эти разговоры бессмысленны.

В конце сентября в Москве похолодало. Почему-то казалось, что и в Баку должно быть холодно.

А тут как раз у Оли начались нелады со здоровьем. В поликлинике ей сказали, что это токсикоз беременности, и дали направления на анализы.

— Ты нарочно не повез меня в Баку! — плакала Оля. — Нарочно тянул!

— Да разве я говорил, не поедем? Если ты в состоянии, хоть сегодня полетим в Баку!

— Полетим? — сказала Оля. И с надеждой взглянула на него, размазывая по щекам слезы.

Опять сболтнул!.. Проклятый язык!..

— Может, все-таки лучше на тот год? А?

— Все! Не поедем! Я не увижу Баку! Я никогда больше не увижу Баку! Вдруг я умру, когда буду рожать! — Оля зарыдала.

— Да брось ты, успокойся! Подумаешь, роды...

Таир проскользнул в другую комнату и включил телевизор. Слава богу, наконец-то он избавится от этих разговоров! Вот ребеночек еще и не родился, а уже помог папе — спасибо ему!

Перевод с азербайджанского
Тамары КАЛЯКИНОЙ.

красота и здоровье

«...И пошла тогда девица к старой колдунье и попросила у нее приворотного зелья, чтобы присушить милого, заставить его полюбить ее. И сказала колдунья: «Расскажу тебе, как волшебное зелье сварить, да только готовь его так, как я велю! Встань на рассвете, умойся студеной росой да поклонись трижды по семь раз солнышку, как оно вставать станет; соберешь травы, какие скажу, да вари их с наговором, а подавай с поклоном да с лаской...»

В. ИВАНОВ,
заслуженный
врач РСФСР,
доктор
медицинских наук

ТАЙНА ПРИВОРОТНОГО ЗЕЛья

— Читали мы такие сказки! — скажет кто-то из наших читательниц. Все так. Но, как говорится, «сказка — ложь, да в ней намек...».

Так что же, приворотное зелье существует? Не будем спешить с категорическим ответом. Лучше попробуем последовать совету. Ну посудите сами: встать на рассвете, умыться холодной водичей (не этому ли учат и косметологи!), прогуляться по утреннему лесу в поисках нужных трав или даже просто без цели — разве это не полезно? Посмотрите-ка на себя в зеркало, как вернетесь домой: щеки разругались, глаза сияют — красавица!

А поклоны — трижды по семь раз: разве это не прообраз нашей обычной зарядки, которая помогает на долгие годы сохранить стройность, легкость осанки, подвижность, бодрость?

Теперь о «наговоре». Я думаю, что девушка должна была, помешивая варево, приговаривать что-то вроде «варись, травка, вкусная, пусть любимый выпьет да поймет, что никто ему так не угодит, как я, никто так не постарается...». Ну разве может питье, приготовленное с такой любовью, не пойти впрок?!

А уж «подавать с поклоном да с лаской» — тут и толковать нечего, это любому приятно, каждое сердце тронет.

Пришел черед поговорить о главном: какие же травы входят в состав «приворотного зелья»? Но сначала не-

сколько слов о том, когда надобно это волшебное средство.

По-разному складываются отношения близких людей. Иногда чувство настоящей, сильной любви с годами или в силу каких-то причин уходит в глубь кладовой памяти и там фиксируется в определенных нервных клетках. Оживить его — вот что вы должны сделать, если начинаете чувствовать некое отчуждение, непонимание между собой и любимым. И, представьте, «зелье» поможет в этом!

Бывает оно двух видов, какой из них выбрать — решать вам.

Любимый равнодушен, невнимателен, охладил к домашним заботам да как будто бы и к вам... Но ведь он просто устал, переутомился! Сварите ему напиток такого состава: по 3 части корней левзеи сафлоро-

видной, цветков календулы, плодов боярышника кроваво-красного и шиповника, травы череды трехраздельной и 2 части травы душицы обыкновенной. Да варите и подавайте по «сказочным» правилам! Напиток снимет усталость, повысит жизненные функции организма, поднимет общий тонус. После приема такого «зелья» человек словно сбрасывает с себя плохое настроение, становится снова активным,

ния были спокойные, ровные, голос тихий, тон разговора мягкий. И он прозреет, любовь вырвется из кладовой памяти, да еще сильнее будет, чем прежде...

Как готовить напиток? В обоих случаях столовую ложку смеси помещают в эмалированную посуду, заливают стаканом горячей кипяченой воды, закрывают крышкой и нагревают на водяной бане 15 минут, затем полчаса охлаждают, процеживают, остаток отжимают. Пьют теплым или горячим по стакану утром и вечером вместо чая.

Вот и весь секрет! А вы говорили — «бабушкины сказки»...

«КОСМЕТИЧКА»... НА ТАРЕЛКЕ

Вас беспокоит бледный цвет лица? Сухость кожи? Не спешите открывать «косметику», чтобы с помощью крема и пудры «поправить» недостатки внешности: большинство их происходит от нехватки витаминов, солей, других полезных веществ, содержащихся в той или иной пище. Идет самая «витаминная» пора года — воспользуемся же ею, чтобы стать еще красивее. Ведь красота и здоровье — вещи взаимосвязанные.

Рисунки в «Хозяюшке» выполнены художником С. БОГАЧЕВЫМ.

красота и здоровье

Для начала последите, пожалуйста, за собой. Если вас раздражает яркий свет, кожа стала сухой и шершавой, волосы ломаются и выпадают — вашему организму не хватает витамина А. При нехватке витамина В₁ развиваются головные боли, усталость, мышечная слабость, расстраивается нервная система, пищеварение, начинают ломаться ногти. Быстро устают глаза, снижается зрение, появля-

ются трещины в углах рта, на слизистой оболочке губ, веснушки, пигментные пятна — значит, организм срочно нуждается в витамине В₂. А нехватка витамина С приводит к потере аппетита, быстрой утомляемости, бледности лица, десны начинают кровоточить, ногти размягчаются, вы становитесь восприимчивы к любой инфекции.

Лекарства — на тарелке! Ешьте побольше фруктов

и овощей, особенно богатых витаминами, органическими солями, серой и железом. — морковь, сельдерей, шпинат, петрушку, лук.

Витамин А содержится в зеленом салате, моркови, апельсинах, молоке. Побольше этих продуктов — и кожа лица станет свежее и розовой!

Немалое влияние на чистоту и свежесть кожи оказывает железо, оно содержится в мясе, огурцах, малине, крыжовнике, вишне, яблоках, шпинате и красной капусте.

В состав многих лекарств, применяемых для лечения кожи, входит сера. Лечение

можно дополнить потреблением продуктов, богатых серой: сельдерея, помидоров, грецких орехов.

Иод, дышать которым мы едим к морю, есть в шпинате, луке, свекле, грушах.

Магниево-соли, придающие упругость мышцам, содержатся в крыжовнике, шпинате, редисе, лимонах, вишне.

Фосфор, необходимый для восстановления сил после напряженной работы, вы получите из белокочанной, брюссельской и цветной капусты, огурцов, редиса.

Теперь можно составлять меню!

И К ЛИЦУ, И К ФИГУРЕ

Нередко мы, женщины, затрудняемся в выборе ткани на платье: в темном фигура кажется стройнее, рост — выше, удобнее чувствуешь себя на работе, да и практичнее такой цвет, но лицо... На темном «фоне» платья оно кажется старше. К лицу всегда лучше светлые, живые тона. Как же решить проблему — лицо или фигура? Конечно, с помощью шарфа!

К любому темному цвету можно подобрать гармонирующий с ним светлый: к темно-серому — оттенки розового, голубого, лилового; к коричневому и гладкому черному — кремовый, беж, те же розовый и лиловый. Осталось только непринужденно накинуть шарфик на плечи или обернуть его вокруг шеи (в прошлом номере «Крестьянки» мы предлагали различные варианты использования шарфа, сегодня рекомендуем еще несколько способов) — и проблема решена: темный цвет костюма подчеркивает стройность фигу-

ры, а светлый шарф оттеняет свежесть лица.

Особую элегантность, нарядность придают одежде сочетания тон в тон, когда шарф отличается от ткани платья только по фактуре: прозрачное — к плотному, атласно-гладкое — к матовому, пушистому.

Возможны и более острые, контрастные сочетания, но их могут позволить себе молодые, стройные женщины с хорошим цветом и правильным овалом лица. Всегда эффектно белый, черный шарфы, но их нужно непременно «подкрепить» какой-то деталью того же цвета в костюме: отделкой, поясом, туфлями...

Шарф, как и всякая украшающая деталь, привлекает к себе внимание, поэтому крайне важно, чтобы он всегда был в идеальном порядке: свежим, хорошо отглаженным, упругим. И повязывать его нужно аккуратно. Для этого сначала свернем шарф краями внутрь до нужной ширины, даже если он сложен вдвое, и только потом начинаем укладывать вокруг шеи.

Е. ПАНУЛИ, художник.

Рисунки автора.

Два сарафана (один из них — с легким жакетом), которые мы сегодня представляем, подойдут не только для прогулки в жаркий летний день, но и «на выход»: отделочные детали и модный крой придают им современный вид, нарядность, элегантность.

МОДЕЛЬ 1 — сарафан прилегающего силуэта с удлиненной талией. По переду расположены рельефы. Линия проймы углублена. Вырез горловины квадратной формы. На спине застежка на пуговицах. Юбка широкая — полусолнце, состоит из двух полотнищ.

Жакет прямой, без застежки, линия плеча спущена. Вырез горловины круглый, спинка прямая. По линии

бедра ремешки из той же ткани, с их помощью можно изменить силуэт жакета, заузив его книзу.

Наши чертежи рассчитаны на размер 48, рост III (164—96—104) без припусков на швы. Ткань хлопча-

тобумажная или льняная, набивная или однотонная, возможны самые различные комбинации в сочетании цветов и рисунков для жакета, вставки, обтачек, отделки и т. д. Расход ткани при ширине 70—80 см — 4 м на

НАРЯДНЫЙ САРАФАН

Мод. 1

Мод. 2

Швы, бажеи, Вышиваеи...

сарафан. 1.5 м — на жакет (всего 5.5 м на весь ансамбль).

- Раскраиваем детали, проверяем правильность раскроя по основным и поперечным нитям, по рисунку.
- Начинаем с обработки бортов. Надставки (они выкроены с подбортами) вместе с прокладкой накладываем на подборт «лицом к лицу» и притачиваем со стороны надставки. Ширина шва — 0.7 см. Внутренние срезы подборов обрабатываем швом вподгиб с открытым срезом.

Подборт выворачиваем на лицевую сторону, выправ-

ляя шов, и притюживаем, располагая шов на сгибе или образуя кант из подборта в сторону прокладки.

- Обрабатываем рельефы. На среднюю часть переда (вставку) накладываем боковые части лицевыми сторонами внутрь и стачиваем их с изнанки (ширина шва — 1.5 см), швы заутюживаем к середине переда.
- Готовый перед складываем со спинкой лицевыми сторонами внутрь, уравниваем срезы и стачиваем со стороны переда (ширина шва — 1.5 см), швы разутюживаем.
- Точно так же обраба-

тываем плечевые срезы.

- Одна из самых сложных операций — обработка горловины. Части обтачки складываем лицевыми сторонами внутрь, стачиваем швом шириной 0.5—0.7 см, швы раскладываем на две стороны и разутюживаем.

Внутренние срезы перегибом в сторону изнанки на 0.5—0.7 см и застрочиваем на расстоянии 0.1 см от подогнутого края. Концы обтачки притачиваем к подбортам (ширина шва — 0.7 см), швы отгибаем в сторону подборов, обтачку накладываем на лицевую сторону верха сарафана лицевой стороной вниз, уравниваем срезы, швы стачивания обтачек совмещаем с плечевыми швами и обтачиваем сре-

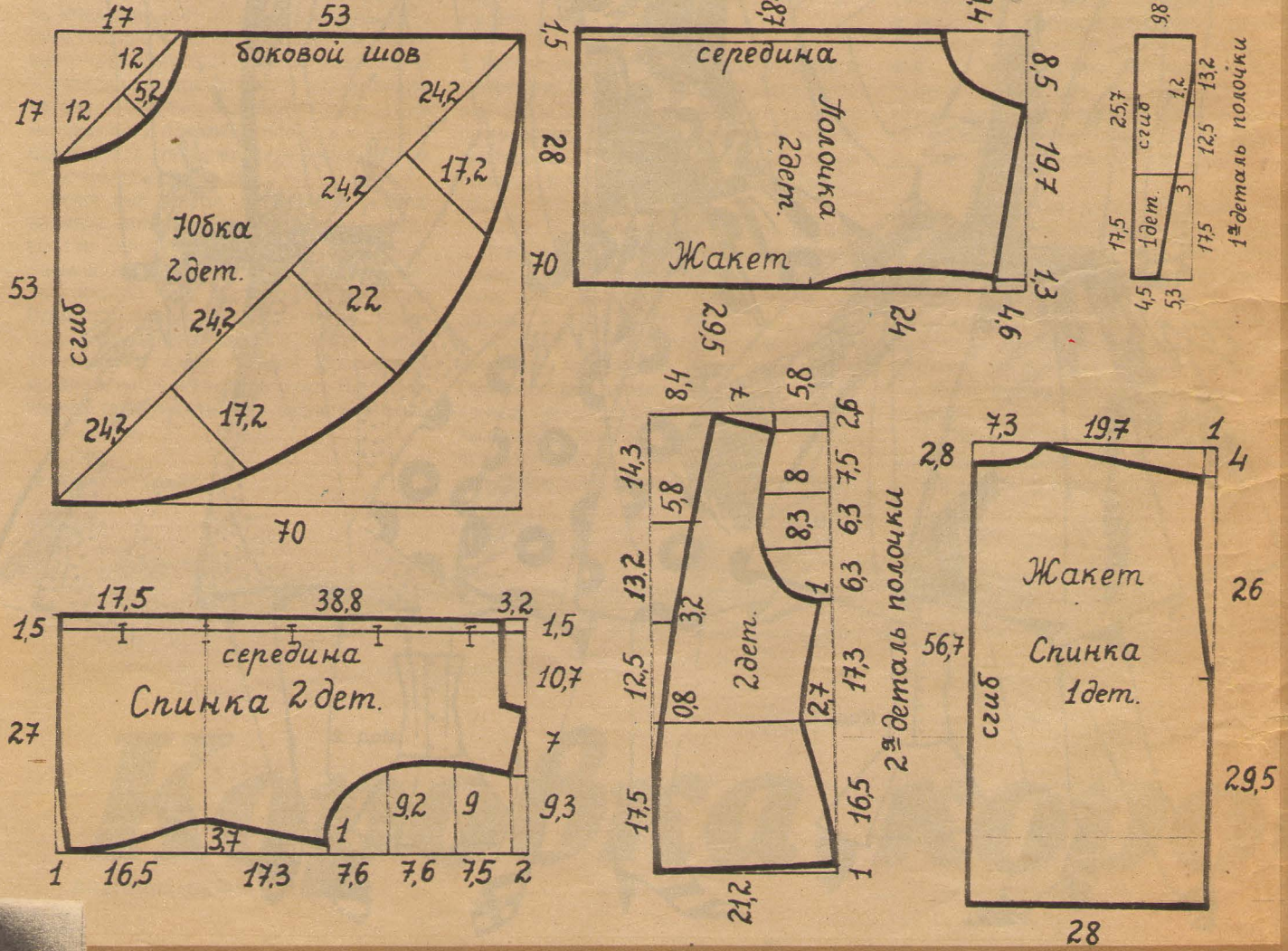
зы горловины (ширина шва — 0.7 см). Обтачку отворачиваем, шов отгибаем в сторону обтачки и настрачиваем с лицевой стороны обтачки на расстоянии 0.1—0.3 см от шва обтачивания. Затем отгибаем обтачку на изнанку изделия и притюживаем, образуя в сторону обтачек кант шириной 0.1—0.2 см.

Внутренние края обтачки прикрепляем к плечевым швам, к переду и спинке потайными стежками.

- Теперь обрабатываем обтачкой проймы по тому же принципу. Обтачку проймы отгибаем на изнанку изделия, шов притюживаем, образуя в сторону обтачки кант шириной 0.1 см.

Внутренние края обтачки

Мод. 1

Шьем, вяжем, вышиваем...

прикрепляем к плечевым и боковым швам.

● Соединяем полотнища юбки. Лиф вкладываем в юбку лицевыми сторонами внутрь, совмещая боковые швы, и стачиваем со стороны лифа. Чтобы ткань не растягивалась при носке, можно подложить под строчку кромку из плотного материала. Ширина шва — 1—1,5 см.

● Выворачиваем сарафан наизнанку, раскладываем на столе; перегибая по середине переда и спинки, совмещаем боковые швы, уточняем длину. Низ обрабатываем двумя строчками на машине узким швом вподгиб с закрытым срезом. Ширина шва в готовом виде 0,2—0,3 см.

● Обрабатываем застежку на спинке: обметываем петли зигзагообразной строчкой, пришиваем пуговицы. Отутюживаем готовый сарафан.

● Жакет шьем в такой последовательности: обрабатываем боковые и плечевые срезы, затем горловину, борта и низ отделываем обтачками, выкроенными по форме горловины, так же обрабатываем проймы.

МОДЕЛЬ 2 — открытый сарафан на бретелях, приталенного силуэта и с заниженной линией талии. По переду настрочен волан, на спинке — застежка «молния». Юбка — полусолнце, широкая.

Эта модель рекомендуется молодым стройным жен-

щинам. Размеры 44—46, рост III (164—92—88).

Такой сарафан можно сшить из более нарядной ткани — шелка, крепдешина, трикотажа и т. п. Расход ткани — 4 м при ширине 70—90 см.

Последовательность работы:

● Стачайте все вытачки, затем боковые швы и сразу вшейте застежку «молнию» на спинке.

● Обрабатывайте верхние срезы обтачкой, вставляя заготовленные заранее бретели.

● Стачайте боковые швы юбки, соедините юбку с

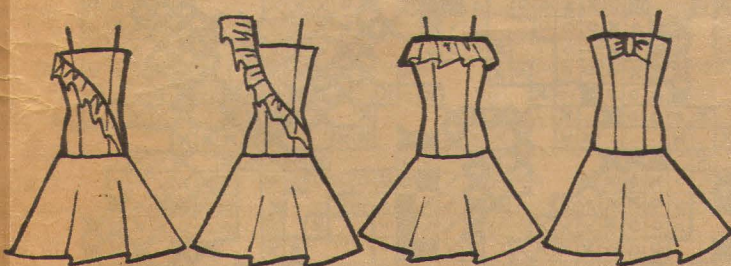
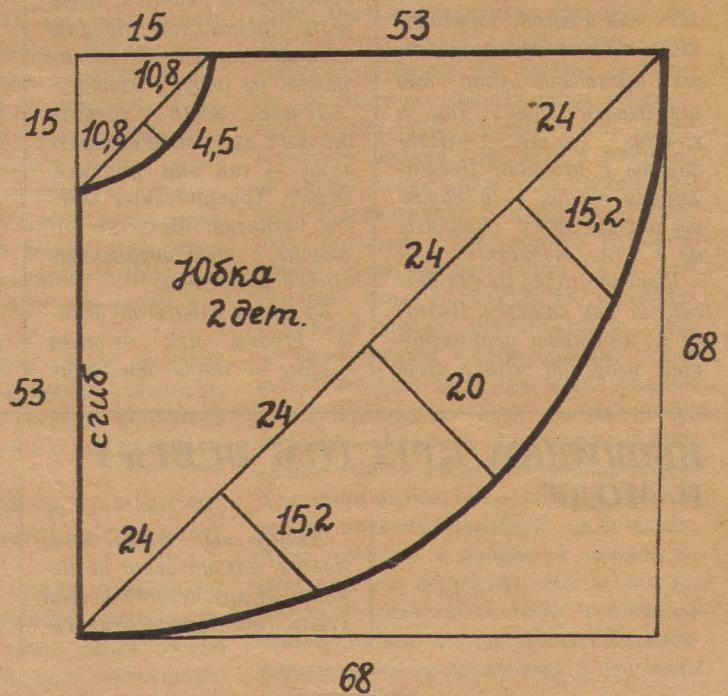
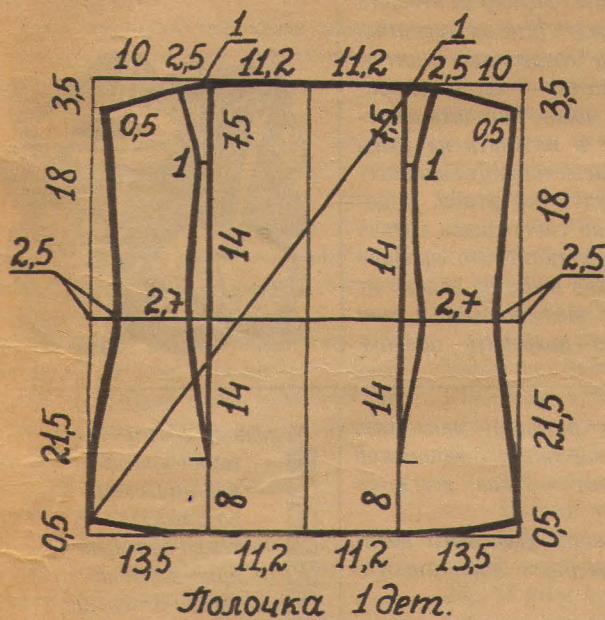
лифом, подшейте низ.

● Волан можно вшить в специально сделанный подрез на лифе, а можно просто настрочить его по косой, по спирали (от подмышки через грудь к бедру), горизонтально (параллельно верхнему срезу, отступая от него на 3—5 см). Волан кроют по косой, концы прямые или сходят «на нет», сторона, которая притачивается к лифу, приспособлена на нитку, другая подшита на машине.

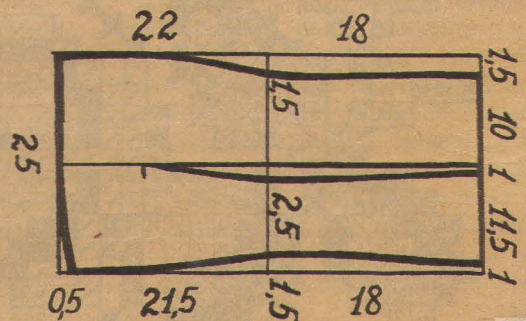
Т. АНДРЕЕВА,
художник-модельер.

Чертежи и рисунки автора.

Мод. 2

Спинка 2дет.

швей, вяжем, вышиваем

ЧТО УМЕЛИ БАБУШКИ...

«У нас дома есть подушка на диван, которую когда-то бабушка вышила бисером. Какая это красота! Я бы с удовольствием вышила бисером такую подушку, накидку, панно, да, к сожалению, не научилась у бабушки...»

Н. СТЕПАНИЧЕВА,
Новгородская область».

Вышивка бисером может украсить не только интерьер, но и нарядный костюм, туалет «на выход»: платье, воротник, манжеты, вечернюю сумочку...

Освоить это искусство не так уж трудно, если вы немного умеете вышивать: принцип вышивки бисером тот же, что и обычной вышивки крестом, да и рисунки подойдут те же. Счет бисеринок при работе ведется так же, как счет крестов. — одна бисеринка соответствует одному крестику. Нашивают бисеринки стежками полукрестом, с наклоном в одну сторону, иначе они не

будут лежать ровно и гладко. Нитки берут в цвет фона вышивки, обязательно крепкие, лучше всего крученые, глянцевиые.

Вышивку делают по рисунку, перенесенному на ткань, или по канве, которую потом выдергивают.

Однако не стоит украшать бисером вещи, которыми вы пользуетесь ежедневно: во-первых, такая вышивка чересчур нарядна, а во-вторых, непрактична, плохо переносит стирку, не выдерживает химической чистки.

Н. ГОРЕЛОВА

ОСТОРОЖНЕЕ С ИГОЛКАМИ!

Нередко приходится видеть, как в вагоне электрички, даже в автобусе женщины вышивают узор или заделывают шов... Так и хочется сказать: «Осторожнее с иголкой! Неожиданный толчок — и можно не только палец поранить, но и в глаз попасть!»

Вообще иголка не так безобидна, как кажется. Поэтому во избежание неприятностей, особенно если в доме

есть дети, лучше хранить иголки и булавки только в игольнице, не бросать их где попало и каждый раз, приступая к работе с ними, вести строгий счет, чтобы ни одна не осталась на столе, на диване, на полу, в одежде.

Лучше всего хранить иголки с вдетыми в них нитками — так они заметнее, виднее. Хорошо также завести магнитик: им легко подобрать с пола оброненные иголки и булавки.

Во время работы не берите иголки или булавки в зубы — такую привычку

имеют многие хозяйки, привычку опасную: нечаянный вдох — и... Но куда же все-таки пристроить иглу на время минутного перерыва в работе? Только не втыкать в одежду! Или на магнитик, или в специально сшитую подушечку — ее, кстати говоря, можно посадить на резинку и надевать на руку, как часы, тогда булавки всегда будут под рукой. И последний совет: шить только с наперстком! Это правило известно всем, но далеко не всеми выполняется, и зря: можно повредить пальцы,

а если иголка вдруг сломается, то и более серьезную травму получить.

А. КОНОПЛЕВА

ВЫШИВКА КРЕСТОМ ВСЕГДА В МОДЕ

Хотите вы, чтобы ваше платье, блузка были не похожи на другие, имели свой стиль, своеобразие? Укрась-

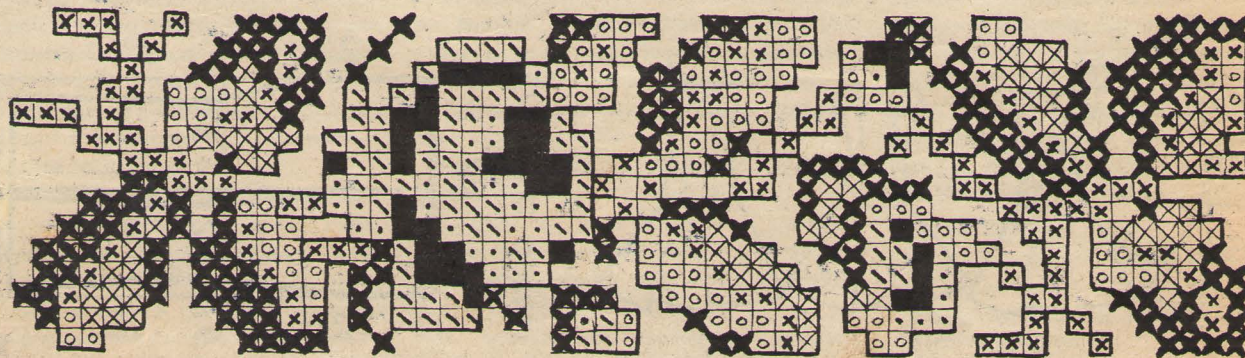
те их по низу, манжетам, на кармашке вышивкой крестом — она всегда в моде!

Отлично смотрится полоска из роз с листьями (см. рис.).

Л. ЛЕБЕДЕВА

Условные обозначения:

- — темно-красный;
- ▣ — ярко-красный;
- — розовый;
- ⊗ — темно-зеленый;
- ⊗ — ярко-зеленый;
- — светло-зеленый;
- ⊗ — коричневый.

Суровые морозы прошедшей зимы и ее не пощадили: в средней полосе почти все молодые посадки погибли, те, что постарше, тоже частично вымерзли или подмерзли. Значит, надо восстанавливать земляничную плантацию!

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА НА ОГОРОДЕ

Прежде всего внимательно осмотрим свою землянику. Сухие, мертвые кусты выбросим, а живые подкормим органическими и минеральными (нитрофоска, аммиачная, калийная, кальциевая селитра) удобрениями из расчета 1 — 1,5 кг навоза и 1 спичечный коробок удобрения на ведро воды на каждые 2 — 3 м² плантации. Такую подкормку одновременно с поливом нужно будет повторить не менее 4 — 5 раз за лето.

И в течение всего сезона очищать землю от сорняков и рыхлить, очищать и рыхлить — это главное в уходе за ягодными кустами! Глубина рыхления — 3 — 5 см, чтобы не повредить корни.

На живых кустах появились усы? Отлично! В этом году удалять их не придется, наоборот, создайте самые лучшие условия для их роста, ведь это ценнейший материал для разведения земляники.

Часть усов направьте на места погибших кустов для восстановления плантации. А часть — на свободные места в междурядьях для рассады на новые посадки.

Только почву предварительно нужно увлажнить, а узел с розеткой еще и сверху присыпать влажной землей.

Когда на усе появится одна, самое большее — две розетки, прищипните его, рассада будет крепче, сильнее.

Как только розетки укоренятся, подкормите их и заботливо ухаживайте за почвой: очищайте от сорняков, увлажняйте.

В намеченный для работы день, лучше пасмурный, выкопайте из междурядий хорошо развитые, имеющие уже по 3 — 4 листа розетки вместе с корнями и комом земли и сразу же посадите их на подготовленный участок.

бы центральная почка розетки — сердечко — находилась немного выше уровня почвы. Когда придет пора готовить новый участок к зимовке, надо будет прорыхлить почву между рядами, обильно полить и снова замульчировать посадку на 5 — 8 см. А вот подкармливать новую плантацию осенью минеральными удобрениями не следует.

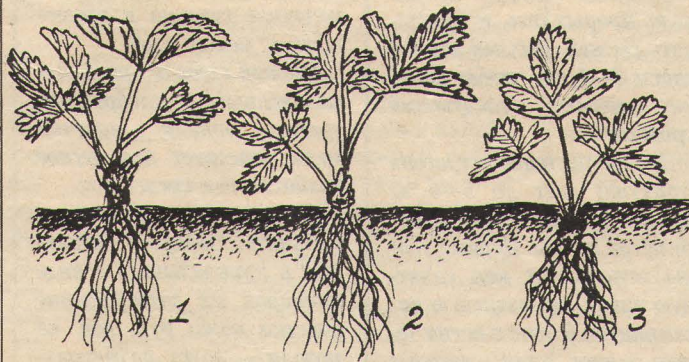
Сажают рассаду рядами, между ними — 45 — 60 см, между растениями в ряду — 20 — 30 см.

Закончить все работы нужно в августе, иначе земляника на молодой плантации вымерзнет наполовину даже при мягкой зиме.

Для осенней посадки мы взяли хорошо развитые усы. А более слабые тоже заботливо готовим к зиме, поливаем, укрываем мульчей: их мы рассадим весной, ближе к концу апреля. При весенней посадке молодые кусты хорошо приживаются, а часть из них уже летом даст первый урожай крупных ягод.

А есть у вас на участке «безусая» земляника? Это ремонтантные сорта («месячная», «гора Эверест», «альпийская» и др.). Если нет, разведите обязательно! Такая земляника плодоносит весь сезон, с июня до октября, и усов не дает, так что ухода особого не требует. Ягоды, правда, помельче, чем у садовых сортов, но ароматные, сочные, сладкие.

В. ФАУСТОВ,
кандидат
сельскохозяйственных наук.

Посадка земляники:
1 — неправильная, слишком высокая;
2 — правильная; 3 — неправильная,
слишком глубокая.

Закладывать новый участок начинайте в августе. Заранее приготовьте площадку: выровняйте почву, вскопайте, прополите, полейте.

затем обильно полейте и замульчируйте (торфом, опилками, компостом и т. п. слоем в 3 — 5 см).

Рассаду сажайте так, что-

ХОРОШ ТАРХУН К ОБЕДУ

Эстрагон, или тархун, поистине незаменим в хозяйстве: как приправа к салатам, как ароматная пряность к мясным, рыбным, овощным блюдам, при изготовлении маринадов, особенно при засолке огурцов, помидоров, грибов — он придает им крепость, хруст, особую духовитость. А полезен! В свежей зелени содержится большое количество витамина С, каротина, рутина, эфирного масла, минеральных солей... В народной медицине эстрагон широко

применяют как мочегонное средство, при лечении водянки, цинги.

Эстрагон неприхотлив к почвам, не любит только сырости, хорошо растет на обычных огородных, умеренно удобренных органикой грядках, холодостоек и засух не боится, на одном месте может расти 8—10 лет. Вырастает в средней полосе, как только сойдет снег, уже в мае готов к употреблению. Особенно вкусны молодые листья и травянистые стебли растения.

Размножают эстрагон черенками, которые заготавливают из молодых стеблей в конце мая — начале июня и высаживают в почву под пленочное укрытие на глубину 3—4 см. Полив, проветривание — по

мере надобности. Через 2 недели у черенков развивается корневая система.

В августе саженцы можно высаживать в грунт на постоянное место, между рядами — 40 см, между растениями в ряду — 30 см. Можно также размножить растение делением хорошо развитого куста (3—4 лет).

Почву под посадку готовят с осени: если участок бедный, вносят 3—4 кг органических удобрений на квадратный метр, если высоко кислотность — 5—10 кг извести на ту же площадь. Нужны и минеральные удобрения: 20—25 г суперфосфата, 10—15 г калийной соли и 15—20 г аммиачной селитры на квадратный метр, вносить их лучше в два приема: половину — осенью под перекопку почвы, вторую половину — весной. И впоследствии ежегодно весной хорошо подкормить эстрагон теми же удобрениями в тех же количествах.

Осенью, после срезки травы, почву вокруг кустов надо прорыхлить и присыпать свежей, рыхлой землей слоем 3—4 см, чтобы раньше поспел следующий урожай.

Зрелое растение эстрагона (тархуна) дает до 5—6 кг пряной зелени с квадратного метра почвы. Первые сборы используют как салатную траву, ароматную и витаминную; ближе к осени зелень идет для засолки и других домашних заготовок. Можно также засушить эстрагон впрок, сухие листья растереть в порошок и хранить в плотно закрытой банке. Всю зиму будете с пряной приправой!

Е. ВОРОНИНА,
научный сотрудник
Главного Ботанического
сада АН СССР.

ШАМПУНЬ ИЗ НАСТУРЦИИ

Оказывается, ароматные розы и роскошные пионы, яркие настурции и нежные фиалки не только радуют глаз, но и обладают ценными лечебными свойствами. Возьмем, к примеру,

ИРИС

Отвар из просушенных и измельченных корней этой действует как кровеочищающее, отхаркивающее, мочегонное средство. Готовят отвар так: 2 столовые ложки измельченных корней заливают стаканом кипятка, кипятят 2 минуты и настаивают в тепле 20 минут. Затем процеживают и добавляют чайную ложечку меда.

При простуде, бронхите, коклюше, приступах астмы отвар принимают по столовой ложке через каждый час, при нарушениях деятельности желудочно-кишечного тракта, печени и т. п. — по половине стакана в промежутках между едой.

Свежий стебель ириса, измельченный и сдобренный третью чайной ложечки меда, действует как легкое слабительное средство.

Листья можно сильно размельчить, заварить кипятком и прикладывать в виде припарок на затвердевшие участки кожи рук, ног, на мозоли — кожа размякнется, и мозоли можно будет совершенно безболезненно снять. Время процедуры — 3 часа, ее нужно повторить 2—3 раза.

Высушенные корни ириса имеют тонкий аромат, их можно употреблять в пищу как приправу, можно разложить в бельевые и платяные шкафы, чтобы вещи приятно пахли.

МАЛЬВА

любит солнце, может быть, поэтому ее цветы, листья и корни могут храниться в засушенном виде годами.

Отвар цветов и молодых листьев мальвы (30 г на литр воды) помогает при обострениях хронического бронхита, снимает воспалительные явления в кишечнике, нормализует его деятельность.

Чай из мальвы употребляется в виде примочек при кожных заболеваниях, внешних воспалительных процессах, в горячем виде — для компрессов или ванночек при фурункулезе, заболеваниях ногтей.

НАСТУРЦИЯ

содержит серу, которая необходима для правильного развития и функционирования организма.

Настой листьев настурции действует как слабительное средство, эффективен при хроническом бронхите, легочной недостаточности, воспалении лимфатических желез. Готовят его так: 10 г листьев заваривают литром кипятка, настаивают 10 минут и процеживают. Пьют несколько раз в течение дня по полстакана.

Если в бутылку с уксусом бросить горсть нераспустившихся бутонов настурции и настоять с неделю — получится вкусная приправа.

Вытяжка из настурции идет для изготовления шампуней, других косметических средств. В домашних условиях можно сделать отвар листьев, бутонов и плодов растения (30 г на литр воды), эффективно стимулирующий рост волос, предохраняющий их от выпадения.

Л. ЗАРЕМБИНА

Я ЛЮБИЛ И ЛЮБЛЮ...

(Окончание.
Начало на стр. 30.)

ко лицо с плотно сжатым ртом и глядящие прямо на вас глаза человека, который видел в жизни все, кроме счастья. А ведь она добрая была, он знал это, но так мало видел в жизни встречного тепла, что приходилось всегда быть собранной, как пружина, и готовой ко всему: к несчастьям и болезням, к вдовству, готовой каждый миг выбраться из нового омуты жизни. Они, матери, так жили, чтобы только вытащить детей своих, будто тонули сами, выталкивая кровных своих из волны, и отставали от детей своих, оставались неграмотными, и вопрос вечно жил в их глазах: как вы дальше? Стоило ли нам так? «Ведь меня она очень любит, и странная, когда ехала, то взяла с собой на случай смерти венец, рукописание и крест, чтобы все было, когда умрет, и все это так хладнокровно, точно предметы самые обыкновенные...»

Наверное, не зря писал он тот портрет.

В 1874 году состоялась первая выставка импрессионистов: на зрителя хлынули потоки солнца и воздуха, цвет растворялся в свете, и он, художник, жмурился от восторга перед тем, что может дать живопись сердцу молодому, душе восторженной и чистой. Но в этом же году молодая, интеллигентная, ответственная Россия «двинулась в народ» — и была ошельмована, повязана, оплевана. Иван Николаевич, уже академик, уже признанный, страстно утверждает: «Теперь я Вам скажу, что такое русский художник. Сегодня это очень молодой юноша, избитый, однако же, со всех сторон и до такой степени загнанный, затученный и оробевший, что становится его жалко... Все говорят: русские художники пишут сухо, слишком детально, рука их чем-то скована, они решительно не способны к колориту, концепции их несоразмерны, темны, мысли их направляются все в сторону мрака, печали и всяческих отрицаний. Юноша ищет только правды, желает только добра и улучшения. Вы скажете: да художника-то нет! Верно, художника нет, но есть то, из чего только и может быть художник». Но как же те, прозванные импрессионистами? Ведь вопрос. И на него надо ответить. Сложно. Манят переливы света, влечет колдовство красок. А что-то и останавливает. Что? «Нам непременно нужно двинуться к свету, краскам и воздуху, но... как сделать, чтобы не растерять по дороге драгоценнейшее качество художника — сердце?» В этом и вопрос. А ответит каждый сам. Вот и ученика, способного такого, что себя, кажется, всего готов отдать, лишь бы он не сбился, что-то такое поманило, что-то простодушное, мол, ведь и верно, поэзия должна быть немного глуповата. Не одергивать его, объяснить, показать пропасть: «И неужели Вы полагаете, что художнику хорошо иметь взгляд, так сказать, тельца невинного?.. Вот в такие-то времена подлое искусство и замазывает щели... притупляет зоркость, присущую человеку».

Как же иначе? Долг им насильно никто не навязывал, бороться не заставлял. Наоборот. Но без уважения к искусству не будет уважения к себе, а тогда жить-то зачем? Просто незачем.

Работа продолжается.

Карл Андреевич предлагает передохнуть: так же немислимо! Но Крамского уже завело, повело: он не сумрачен, как часто с ним бывает в последнее время, он оживлен, даже весел. Какая там усталость! Работается, как в самые лучшие молодые годы!

Как в те годы, когда он встретил Софью Николаевну, Союю, «радость мою Сонечку». Как в те дни, когда, уезжая на заказные работы, начинал скучать в этот же день, и тоска доходила до сумасшествия. «Ты жена моя, настоящая жена моего сердца

Идет четвертый час работы. Карл Андреевич устал.

Еще студентом, еще до отмены крепостного права Иван Николаевич работал портрет матери. Ей было тогда шестьдесят лет, ему двадцать два. Он выбирает овальную композицию, в которую так легко вписать воздушную нежность юности или тихий покой старости. Он пишет женщину строгую, даже жесткую, прячет ее волосы под темный плат и плечи, закутывает шалью, так что живет только

и ума... Передо мною воскрес тот вечер в мастерской, помнишь, 28 декабря, тот первый вечер и ночь, с которой началось мое настоящее счастье, ты на меня тогда так смотрела, что я забыть не могу. В те минуты сердце билось странно, вот и теперь оно так же бьется. Хорошо!.. Твой муж и любовник страстный Иван Крамской. Прости меня, если тебе покажется это место смешным. Я люблю тебя...»

Это она, Сонечка, кормила артельщиков, была им и музой, и мамкой: была хороша в бедности, не обалдела от достатка. Ей он рассказывал о матери: «Господи, какая она старенькая и все такая же добрая, только уж очень простая, до того проста, что мне знаешь, что пришло в голову, глядя на нее, — а вот что: вот мы с Сонечкой живем, у нас тоже есть дети, только-только что родились на свет божий, а мы с тобой стоим на половине дороги, так что нам видно начало жизни и конец ее, и когда сравнишь, какое огромное пространство отделяет наших матерей от нас самих, то страшно становится за нас, неужели же и мы также будем далеки от наших детей? Страшно, не дай бог!»

Но было нечто и страшнее этого. Умирает младший сын, Марк. Умирает другой сын, Иван. О его горе мало кто знает: мужчина, крепился. Но горе жило в нем, и горе жило рядом, стоило только посмотреть на Софью Николаевну. С этим как жить? Да жить и не хотелось, не могло. Вот так — из боли сердца — и вырастали шедевры.

«Неутешное горе» — рассказывал Решин, — такое глубокое потрясающее впечатление произвело на всех. Странно: казалось даже, что это не картина, а реальная действительность. Эту даму жалко было, как живого человека».

Эта дама и была живым человеком, и звали ее Софья Николаевна Крамская. Это был ее портрет и ее горе, и это был портрет самого Ивана Николаевича Крамского — ее и его сердце, их боль, их отчаяние. Тянулась рука к новым краскам, да сердце не пускало.

Карл Андреевич просит прекратить сеанс. Он знает, Крамской сейчас работает редко, слишком болен; большей частью лежит, пораженные легкие, никуда не годное сердце, и еще... Когда боль одолевает, сам себе колет морфий, тогда успокаивается ненадолго. Смотреть жутко, как художник прямо во время сеанса принимает болеутоляющее, переживает и вновь хватается за кисть, уже с каким-то благодушием говоря, до какой же степени осточертели ему заказные портреты, впрочем, не этот, этот, кажется, ему нравится и получится неплохо.

Заканчивается шестой час непрерывной работы.

Как-то Иван Николаевич сказал: «И не потому ли хочется что-нибудь найти ласковое в искусстве, что родной матери нет, нет того бога, около которого могла бы собраться семья».

Ласковое... где ж его взять? Попробуй нашиши ласковое в России, и сразу же получится или слащавое, или предательское. Вот даже и мать не мог написать ласковой — не мог, ни рука, ни сердце не позволяли.

...Карл Андреевич вскочил. Художник замер, пошатнулся и, выставив кисть, рухнул на мольберт. На седьмом часу работы сердце не выдержало. Он умер с кистью в руках, стоя, как подобает борцу, перед незаконченной работой; секунду назад он был жив и работал, детский врач успел подхватить его, но жестоко точному выражению Решина, «уже тело».

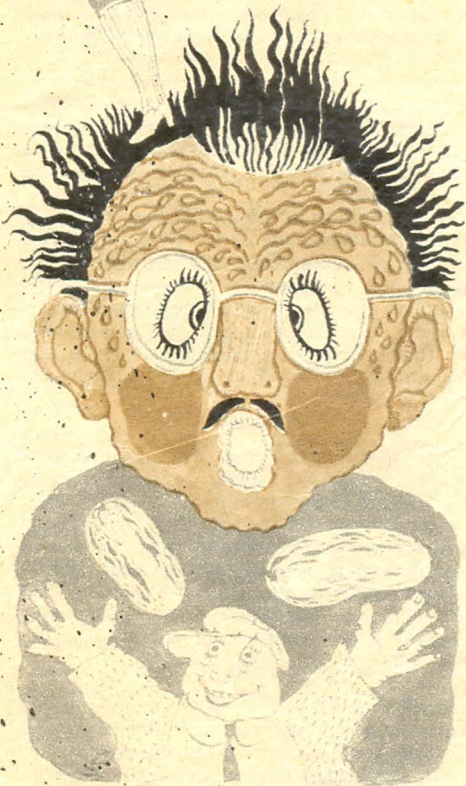
Работая над одной из самых известных своих картин, «Христос в пустыне», превратив Христа в человека, атеиста, мученика и мыслителя, Иван Николаевич говорил: «Есть один момент в жизни каждого, мало-мальски созданного по образу и подобию божию, когда на него находит раздумье, пойти ли направо или налево, взять ли за господя бога рубль или не уступать ни шагу злу...» Когда человек об этом думает, он уже принимает решение.

Знал: он и его друзья — они мостовая для будущего русского искусства. Сваи, и сами себя вбивают в топь, чтобы выдержало будущее здание. А назвался груздем... Но ведь художник же — художник! — и неожиданно, во время работы над «Неутешным горем» вдруг пишет «Неизвестную». По привычке гадали и до сих пор гадают, чей это портрет. Это и был портрет, только портрет Неизвестной. Стасов сразу обозвал ее «кокошкой», картина ему решительно не нравилась. Размноженная миллионами календарей, журнальными репродукциями, конфетными коробками, кошельками — в каком доме не побывала она! И никто не видел и не видит в ней кокошку, видит красавицу, прелестницу земную, Неизвестную, оборотение, загадку, ту самую, что, явившись, уже не уйдет никогда, так и оставаясь загадкой...

Эрнст МАРКИН

**Владимир
Альбинин**

Ровно в шесть Митрофанов покидал свой родной кабинет. Стоя уже в шляпе и готовясь потушить свет, Иван Петрович вдруг заметил сослуживца Галушкина, сидевшего с угрюмым лицом у себя в углу. Почувствовав неладное, Митрофанов окликнул коллегу:

— Александр Юрьевич, рабочий день окончился, не пора ли, так сказать, в родные пенаты?

Галушкин вздохнул и печально покачал головой.

— Стряслось что-нибудь? — насторожился Митрофанов, снимая шляпу.

— Боже, что я наделал. — тяжело вздохнул Галушкин. — страшно вспомнить!

— Оставил в автобусе зонт! — вслух предположил самое страшное Митрофанов и на всякий случай проверил, на месте ли его собственный.

— Да что ты, хуже! Представляешь, уходя утром на работу, я нечаянно... ты веришь мне, что нечаянно? — схватил за рукав Митрофанова Галушкин.

— Верю, — не понимая еще, в чем дело, твердо кивнул Митрофанов.

— Представляешь, я нечаянно хлопнул дверью. Да так сильно получилось, что штукатурка посыпалась.

— Ужас! — на всякий случай испугался Митрофанов, однако ничего ужасного в случившемся не увидел.

— Беда! — вздохнул Галушкин. — Что подумала Надя, я даже не могу сказать. Ты же знаешь этих женщин. Они из любого

пустяка такое раздуют, хоть пожарных вызывай. Кошмар!

— Что же она подумала?

— Откуда я знаю? — развел руками Галушкин. — Но уж будь покоен: на работу не пошла, вызвала из Рязани свою маму, вещи мои в коридор выставила. А ведь я нечаянно... — Галушкин собрался зарыдать, но ему помешал телефонный звонок.

— Галушкина можно? — услышал Митрофанов тоненький женский голосок.

— Галушкина? — сурово переспросил Митрофанов, вопросительно глянув на Галушкина.

Галушкин обхватил голову руками.

— Галушкин вышел, что передать? — понял свою задачу Митрофанов.

— Передайте, пожалуйста, что звонила жена. Скажите, что мы от волнения себе места не находим. Уже и мама из Рязани приехала, и брат из Орла, и дедушка из Пятигорска. Мы не понимаем, что происходит...

— А что такое? — деланно изумился Митрофанов.

— Да как же, ушел утром и так хлопнул дверью, что чуть люстра не упала. Вот мы и беспокоимся, не стряслось ли с ним что? Может, на работе неприятности... Я уже и блинов напекла, мама варенье его любимое привезла, брат дыни купил, а его все нет... И дедушка... Такой борщ наш дедушка сварил. — всхлинула жена, — что просто пальчики оближешь. А его нет и нет. Не знаем, что и думать...

— Вы, дорогая Надежда Петровна, не беспокойтесь. Сейчас же найду его и лично доставлю к столу. Приготовьте еще один прибор. Едем!

— Куда едем? — испуганно вытаращил глаза Галушкин, когда Митрофанов положил трубку.

— К тебе едем. Я тебе покажу, как по утрам на жену дверями хлопать!..

Рис. В. КОВАЛЯ.

КРОССВОРД

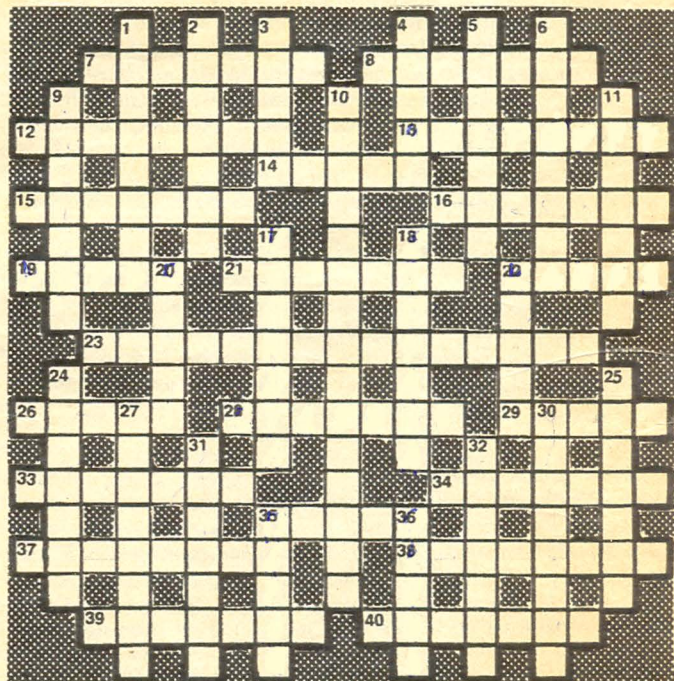
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Необычное, выдающееся явление. 8. Искусный повар. 12. Раздел механики. 13. Высшее научное или учебное заведение. 14. Составная часть физической культуры. 15. Административный исполнительный орган Советской власти. 16. Народное собрание в Древнем Риме. 19. Залив в низовьях реки. 21. Автор романа «Аэлига». 22. Гребная спортивная лодка. 23. Работник на транспорте. 26. Длинная, широкая одежда. 28. Створка для прикрытия окна. 29. Древний город в Месопотамии. 33. Танец. 34. Обозначенная цена. 35. Советские спортсменки, олимпийские чемпионки, сестры. 37. Прибор для распыления жидкого топлива. 38. Крупная змея. 39. Древнегреческий мыслитель, математик. 40. Озеро в Венгрии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Наука о законах наследственности и изменчивости организмов. 2. Положение тела, поза. 3. Штат на юге США. 4. Старинная узорчатая твердая сталь. 5. Бригадир тракторной бригады, инициатор внедрения комплексного механизированного возделывания сельскохозяйственных культур, дважды Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР (Кировоградская область). 6. Танцовщица. 9. Войсковое соединение. 10. Стихотворение В. В. Маяковского. 11. Русский мореплаватель. 17. Часть квартиры. 18. Высокий женский голос. 20. Стремительное нападение. 22. Антилопа. 24. Крупное морское млекопитающее. 25. Сильно пахучий полукустарник с голубоватыми цветками. 27. Стихотворение, в котором начальные буквы строк образуют слово. 30. Музыкальный ударный инструмент. 31. Глубокая вспашка почвы. 32. Тип торoidalной магнитной ловушки. 35. Плавающее сооружение для регулярной переправы. 36. Промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Привал. 4. Яблоня. 9. Утка. 10. Осот. 11. Пахмутова. 14. Газон. 17. Ратин. 18. Телефон. 19. Сари. 20. Киев. 22. Концерт. 24. Нелли. 25. Миска. 29. Плисецкая. 31. Крот. 32. Рагу. 33. Карась. 34. Доярка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Река. 3. Амбар. 5. Ботва. 6. Наст. 7. Курага. 8. Стерня. 12. Коростель. 13. Маковский. 15. Меринос. 16. Конкурс. 21. Сноска. 23. Фарчук. 26. Класс. 27. Кашпо. 28. Вода. 30. Парк.

ТЫСЯЧА СНОВ

Женщинам снится около тысячи снов в год, то есть в среднем по два-три каждую ночь. Сны могут быть приятными и печальными, неясными и запутанными, без начала и конца. Бывают и такие, от которых просыпаешься в холодном поту, радуясь, что это только сон. Обычно сны длятся по несколько секунд, а самое большее — десять минут, хотя человеку порой кажется, что он смотрел сны всю ночь.

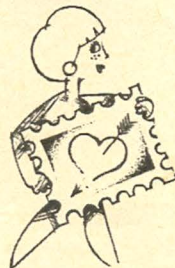
ВНЕШНОСТЬ ИЛИ ПОВЕДЕНИЕ?

Общеизвестно, что представительницы слабого пола бывают чрезмерно критичны, оценивая друг друга. Так, 95 процентов участниц анкеты, организованной социологическим институтом в Нидерландах, заявили, что важную роль в оценке играет внешность оцениваемой женщины, а 46 процентов опрошенных считают ее определяющим фактором. Для сравнения укажем, что 73 процента мужчин, участвовавших в анкете, на первое место ставят поведение представителей своего пола и лишь 20 процентов — внешность.

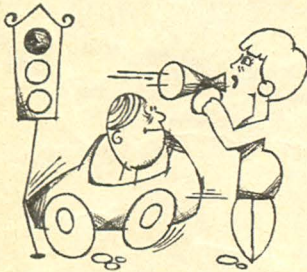
ПРИВИЛЕГИЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

В Венесуэле любовные письма вкладывают только в розовые конверты. Покупая марку, влюбленный отправитель пользуется скидкой в 50 процентов. Иногда содержание писем проверяют, чтобы кто-нибудь не воспользовался привилегией влюбленных.

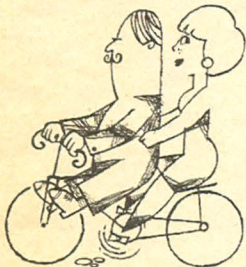
СИЛА СЛОВА

На перекрестках японского города Урау появились новые светофоры. Когда загорается красный свет, приятный женский голос просит пешеходов подождать и приглашает пересечь улицу на зеленый. Сила слов и обаяние голоса оказались куда эффективнее, нежели свистки полицейских и штрафы, взимаемые с нарушителей.

«ГЛАВА СЕМЬИ — Я!»

Группа французских ученых опубликовала результаты исследования, связанного с проблемами современной семьи. Один из главных вопросов сводился к выяснению, кто есть глава в нынешней «среднестатистической» семье. После опроса пятисот мужчин ученые получили следующий результат: большинство опрошенных (350 человек) назвали главой семьи жену, 145 отдали предпочтение теще и только один назвал без колебаний главой семьи себя. Позже, однако, выяснилось, что он... не женат.

(По материалам зарубежной прессы.) Рис. Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС ПРАВДА
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера
работали С. И. Воронцова и
Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 13.05.87. Подписано
к печати 01.06.87. А 00385. Формат
бумаги 60 × 90^{1/8}. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 21,00. Тираж 17 515 000 экз.
(1—13 794 466 экз.). Изд. № 1782.
Зак. № 697.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки фото Е. МАТВЕЕВА.

ЛАЙМА

ВАЙКУЛЕ

„ПРОТИ

На 22-м международном фестивале эстрадной песни Лайма Вайкуле получила главный приз — «Золотую Братиславскую лиру».

ВОРЕЧУ СЕБЕ? НИСКОЛЬКО!

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Музыка Раймонда ПАУЛСА.
Стихи Ильи РЕЗНИКА.

Еще не вечер. Еще не вечер.
Еще светла дорога и ясны глаза.
Еще не вечер. Еще не вечер.
Еще иду я рядом
С тобою безоглядно.

Пусть говорят,
что приближается гроза.
Пусть говорят, что лгут
и сердце и глаза.
Только не буду верить я
таким словам.
Никому тебя я не отдам.

Еще не вечер. Еще не вечер.
Еще в запасе время есть у нас
с тобой.

Еще не вечер. Еще не вечер.
Еще открыты двери
Надежде и доверью.

Пусть говорят, что стал с годами
труден путь.
Пусть говорят — былого счастья
не вернуть.
Только не буду верить я таким словам.
Никому тебя я не отдам.

Еще не вечер. Еще не вечер.
Ошибок прошлых мы уже не повторим.
Еще не вечер. Еще не вечер.
Продлится день счастливый
Для нас с тобой, любимый.

Пусть говорят — ни с кем не встречно
под луной.
Пусть говорят, что мы расстанемся
с тобой.
Только я в плен не сдамся
будущим годам —
Никому тебя я не отдам!

— Когда мне было двенадцать лет, за компанию с подружкой я пошла на конкурс юных вокалистов. Вэлга заняла первое место, а я четвертое. Но совсем не расстроилась, ведь мечтала быть только врачом. Наверное, это потому, что с самого детства видела, как болеет мама. Нас у нее было четверо, жилось семье нелегко, и страшно хотелось, чтобы мама выздоровела. Я и в медицинское училище поступила с этой целью. Но врачом стала моя подруга Вэлга, а я — эстрадной певицей.

Долго не могла всерьез поверить в свое призвание. У меня не было даже музыкального образования. Просто пела — в детском саду, в школе, в самодеятельности. В шестнадцать лет получила неожиданное предложение — поехать с одним латышским ансамблем на гастроли. Почему бы нет? Поехала. А вернувшись, снова зубрила латынь, училась делать уколы, привыкала к настоящим больным на практике в больнице. Так прошло два года. И опять — неожиданное предложение, уже надолго — работа в Рижском эстрадно-концертном объединении.

Где мы только не выступали — на открытых площадках в городских парках, в провинциальных городках, в деревенских клубах... И чем больше километров на спидометр наматывал наш автобус, чем в большую глушь мы забирались, тем радушнее встречали нас люди... Пожалуй, тогда, пытаясь сделать программу интересней, я поняла, что каждое выступление должно быть спектаклем. И даже каждая песня. Что для этого нужно, кроме умения петь, танцевать? Чуть-чуть пересолишь — выйдет фарс, испугаешься новизны — зрителям скучно. Совсем непросто говорить с людьми на языке их сегодняшних настроений, чувств, надежд.

Была и за режиссера своих номеров, и за певицу, и за художника-модельера, и за постановщика. А потом у нас появился эстрадный балет. Знаний катастрофически не хватало. В конце концов я аттестовала себя как самоучку и отправилась учиться эстрадной режиссуре в Москву, в Государственный институт театрального искусства.

Сейчас я студентка заочного отделения. Работаю на большой эстраде. Композитор Раймонд Паулс и поэт Илья Резник познакомили меня с Валерием Леонтьевым, с которым вместе мы спели песню «Вернисаж». Паулс — настоящий композитор и музыкант, а для многих эстрадных певцов и настоящий учитель. Работать с ним немного страшно, как страшно сдавать экзамены. Но чем страшней за свое несовершенство, тем интересней сама работа.

Мои тридцать два года — не девчонка, но и до старости далеко — помогают мне петь для довольно широкой аудитории. Не стремлюсь во что бы то ни стало нравиться юным зрителям, пусть у них будут другие кумиры. Не боюсь показаться на сцене озорной, даже беспомощной. Мне по душе разные образы, но если хотите, мой идеал — женщина, знающая, что такое любовь и разлука, хрупкая и стойкая, сильная и нежная. Такой она предстает в песне «Еще не вечер».

А вот в другой песне, иронической — «Деловая женщина», моя героиня несколько суховата, может быть, прямолинейна и знать ничего не желает, кроме работы. Но ведь и она женщина и вопреки всем своим установкам и мила, и беззащитна в своем желании любить и быть любимой.

Разве плохо быть женщиной? Пробуждать в мужчине желание помочь тебе, снять с твоих хрупких плеч, хоть и увеличенных модой, часть повседневных забот...

Я, например, знаю свою слабость — люблю цветы. Иногда я мечтаю, что когда-нибудь обзаведусь садом, где будут расти розы, астры, лилии... Тогда я, наверное, буду счастлива и спокойна. А пока это чувство мне неведомо. Все время ставлю перед собой новые задачи и рвусь их осуществлять.

Женщины мечтают о разном. Одной хочется стать артисткой, другая грезит о красоте, кто-то мечтает выйти замуж и нарожать ребятшек. Чтобы мечты сбылись, нужно быть очень энергичной, деловой, решительной. Противоречу себе? Нисколько. Потому что все это не исключает нежности и женственности.

Фото И. ГРАНКОВСКОГО

И. Н. КРАМСКОЙ.
Неизвестная. 1883 г.
Государственная
Третьяковская
галерея.

Илья Репин о своем учителе И. Н. Крамском:

«Сначала мальчик у живописца на побегушках, потом волостной писарь, далее ретушер у фотографа, в девятнадцать лет ты попал, наконец, в столицу. Без гроша и без посторонней помощи, с одними идеальными стремлениями ты быстро становишься предводителем самой даровитой, самой образованной молодежи в Академии художеств...

*Тебя высокомерно изгоняют, но ты с гигантской энергией создаешь одну за другой две художественные ассоциации, опрокидываешь навсегда отжившие классические авторитеты и заставляешь уважать и признать национальное русское творчество!.. Достоин ты национального монумента, русский гражданин-художник!»
(Стр. 30—31. «Любил и люблю...»)*

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

